Всепоглощающий огонь

Автор:
Джон Скальци

Всепоглощающий огонь

Джон Скальци

Взаимозависимость #2Звёзды новой фантастики

Разрушение Потока, природного феномена, без которого невозможно путешествовать по Вселенной, привело к тому, что планету Край полностью отрезало от Ядра, центральной планеты Священной империи Взаимозависимых государств и Торговых гильдий. Та же участь ждет и другие обитаемые миры. Сможет ли человечество выжить, если миры будут изолированы друг от друга? Для ответа на этот вопрос группа ученых-физиков в сопровождении вооруженной охраны отправляется на Даласислу, планету, отсеченную от Потока несколько столетий назад, но по неизвестным причинам ставшую вновь доступной.

«Всепоглощающий огонь» – продолжение новой масштабной космооперы от одного из ярчайших на сегодняшний день мастеров мировой фантастики.

Джон Скальци

Всепоглощающий огонь

John Scalzi

THE CONSUMING FIRE

Copyright © John Scalzi, 2018

All rights reserved

Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов, Ethan Ellenberg Literary Agency (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

Перевод с английского Кирилла Плешкова

Серия «Звезды новой фантастики»

Серийное оформление и оформление обложки Виктории Манацковой

© К. П. Плешков, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Мег Франк и Джеси Липп

Пролог

Много лет спустя Ленсон Орнилл с иронией вспоминал, что и начало, и конец того временно?го промежутка, когда он считал себя религиозным человеком, были обозначены одним конкретным изречением.

– Зашибись, твою мать! – сказала Гонре Орнилл своему мужу Тансу на мостике их корабля, носившего имя «Мы всегда были против».

Танс оторвался от своей рабочей станции, на которой обучал их одиннадцатилетнего сына Ленсона нюансам управления энергосистемой корабля.

– Что такое? – спросил он.

– Помнишь имперский корабль, который не стал нас догонять?

– Угу.

– Теперь он нас преследует.

Ленсон увидел, как его отец, нахмурившись, стирает с экрана программу управления энергосистемой и вызывает навигационный экран. На экране появились траектории всех кораблей между базой Кумаси и отмелью Потока, который должен был доставить «Против», после пяти недель пути, к Джокьякарте – следующему пункту назначения. Большинство кораблей были торговыми, как и «Против», а еще два – кораблями имперского флота. Один из них, «Оливир Брансид», только что лег на курс, который примерно через шесть часов должен был пересечься с курсом «Против», незадолго до того, как тот окажется у отмели.

– Я думал, мы в расчете, – сказал Танс жене.

– Мы действительно в расчете, – ответила Гонре.

Танс показал на экран, словно говоря: «Как видишь, явно нет».

– Мы в расчете, – покачав головой, повторила Гонре.

– На флоте новый командующий, – сказала связист Генаро Партридж, член команды «Против». – Я слышала, как Самхир говорил в кают-компании: мол, его об этом предупреждали, когда мы занимались погрузкой.

– И ты говоришь нам только теперь? – спросил Танс у Партридж.

– Извините. У нас был разговор в кают-компании. Я думала, Самхир вам рассказал.

– Я собирался вам рассказать, – сообщил три минуты спустя главный казначей корабля Самхир Гхан, поспешно появившийся на мостике. Ленсон, глядя на слегка запыхавшегося Гхана, понял, что еще немного – и его отец утратит свою репутацию великого капитана. – Извините. Мы были заняты погрузкой.

– Так расскажи сейчас, – велел Танс.

– Нового командующего флотом зовут Уитт. По всем признакам – тот еще жадина и придурок. Его перевели с Ядра – переспал с женой не того, кого следовало. Теперь он пытается вернуться и навести тут порядок. А значит, чтобы выслужиться, он готов нарушить давно устоявшуюся практику.

Танс нахмурился. Одиннадцатилетний Ленсон не знал во всех деталях, чем занимается отец, но уже понимал, что отцу нужны «хорошие отношения» с местными и имперскими правоохранительными органами в системах, куда путешествовал «Против». С этим была сопряжена и «устоявшаяся практика»: как недавно обнаружил Ленсон, она заключалась в том, чтобы снабжать некоторых людей деньгами и прочими желанными вещами не вполне законным способом.

Ленсона это не слишком волновало: по своему малолетству он верил, что родители делают все правильно по определению, и совсем не хотел вникать в подробности их работы.

– Кто тебе рассказал? – спросила Гонре у Гхана.

– Сайбел Таккат, – ответил Гхан. – Моя подруга с «Фенома». – Гхан имела в виду «Феноменальный вид», с которым они делили грузовой отсек на торговой базе Кумаси. Нередко небольшие корабли вроде «Против» и «Фенома» совместно нанимали грузовой отсек на станции, чтобы сэкономить деньги. Иногда во время погрузки и выгрузки возникала путаница и часть товара с одного корабля случайно оказывалась на другом. У Ленсона вдруг возникли подозрения, что и это часть устоявшейся практики. – Один из ее флотских клиентов отказался принять плату, сказав, что за ним слишком пристально наблюдают люди Уитта.

– Мы могли бы воспользоваться этой информацией раньше, – заметила Гонре.

– Извините, – повторил Гхан. – Я собирался вам рассказать. Я решил, будто Сайбел имеет в виду, что с взятками стали всерьез бороться, и нам придется теперь действовать не столь откровенно. Но я не думал, что имелось в виду преследование нас до самой отмели Потока.

Танс перевел взгляд на Партридж:

– С того флотского корабля что-нибудь слышно?

– Нет, они не выходят с нами на связь, – ответила Партридж. – Просто идут наперехват.

– Мы не развили полную мощность, – сказала Гонре мужу. – Можем и уйти от него.

– Нет, – покачал головой Танс, наблюдая на экране за «Брансидом». – Это большой корабль с огромной массой. Он медленнее набирает скорость, но потом движется быстрее нас. Если мы сейчас обратимся в бегство, они нагонят нас прежде, чем мы доберемся до отмели.

– Если они поймают нас с данным конкретным грузом, нам всем полный песец, – сказал Гхан и тут же вспомнил, к кому он обращается. – Э… сэр.

Танс лишь рассеянно кивнул в ответ, и его пальцы заплясали по клавиатуре. Ленсон увидел, что его отец рассчитывает траектории «Против» и «Брансида». Он не мог уловить всех подробностей, но услышал, как Танс удовлетворенно что-

то проворчал. Затем капитан посмотрел на сына.

– Знаешь, чем я сейчас занимаюсь? – спросил он Ленсона.

– Нет, – ответил тот.

– Догадайся.

– Пытаешься ускользнуть от имперского корабля?

– Верно, – кивнул Танс. – И знаешь, как именно? Я уже говорил, что, если мы сейчас ускоримся, они нас нагонят.

– Не знаю, – ответил Ленсон.

– Ну же, пошевели мозгами, Лен.

Ленсон задумался.

– Ты просто выжидаешь, – наконец сказал он, надеясь, что о дальнейшем отец расспрашивать не станет: если честно, Ленсон понятия не имел, что будет дальше.

– Именно! – сказал Танс. – Существует момент времени, после которого мы сможем на полной скорости добраться до отмели Потока, а флотский корабль не перехватит нас, даже если сам разгонится до предела. И он отстоит, – Танс бросил взгляд на Гонре, – на четыре часа шестнадцать минут от нынешнего момента.

– Если только «Брансид» не начнет разгоняться раньше, – заметила Гонре.

– Да.

– И если наши двигатели выдержат полную нагрузку в течение трех часов пути до отмели.

– Да.

– И если выдержат наши пресс-поля, чтобы мы не превратились в студень от постоянной перегрузки.

– Да, – раздраженно бросил Танс.

– И если они не попытаются выпустить нам в хвост ракету.

– Мать твою, Гонре… – проговорил Танс.

– Просто хочу сказать: пока не очень-то радуйся, – заключила Гонре и повернулась к сыну. – А ты отправляйся к себе в каюту. У нас и без тебя много дел до отмели.

– В каюте мне нечем заняться, – пожаловался Ленсон.

– Занятие для тебя точно найдется. И оно называется «учеба».

Издав стон, Ленсон поплелся к себе в каюту: размером с чулан для швабр, она являлась вторым по роскошеству жилым помещением на корабле после каюты его родителей, размером с два чулана. В каюте Ленсон включил планшет и, вместо учебы, пару часов смотрел мультики, пока те внезапно не исчезли с экрана, сменившись образовательными материалами. Ленсон снова застонал, сердясь на мать, – несмотря на занятость, та все же нашла время проверить, что он смотрит, – и с неохотой принялся за чтение по религии, про Рахелу-пророчицу, первую главу и первую имперо Взаимозависимости.

Ленсон учился довольно лениво, а уроки религии казались ему самыми скучными из всех. Ни он, ни его родители не отличались религиозностью, следуя догматам церкви Взаимозависимости не больше, чем любой другой. Сами Орниллы не выступали против церкви и религии как таковой – Ленсон знал, что некоторые из членов команды «Против» исповедовали свою веру и родителей это нисколько не волновало. Они просто не придавали вере никакого значения, и сыну передалось их безразличие.

В одном можно было не сомневаться: Орниллы не принимали никакого участия в делах церкви Взаимозависимости. Ленсон знал о существовании других религий, но очень мало: нельзя было даже утверждать, что он их отвергает или не принимает. Такой вопрос для него просто не стоял.

А о церкви Взаимозависимости он знал хоть что-то. Одно из преимуществ официальной религии Взаимозависимости заключалось в том, что информация о ней была обязательной для усвоения каждым ребенком в империи как часть образовательной программы. Про церковь Взаимозависимости и пророчицу-имперо Рахелу знал каждый, и не важно, верил он в это или нет, интересовался этим или нет.

И еще Орниллы праздновали День имперо, привязанный ко дню рождения Рахелы по стандартному календарю, – он был, как и для остальных, поводом подольше поспать, обменяться подарками и наесться от пуза.

К несчастью для Ленсона, сейчас в его учебных материалах ничего не говорилось о Дне имперо, подарках и вкусной еде. Там обсуждались пророчества Рахелы, предсказания, подтолкнувшие отдельные системы с человеческими поселениями к объединению в империю, известную под названием Взаимозависимость, и позволившие создать экономические, законодательные и общественные структуры, продолжавшие существовать во Взаимозависимости уже более тысячи лет.

Все это казалось Ленсону чертовски скучным – не только потому, что авторы учебников, рассчитанных на читателей в возрасте от десяти до двенадцати лет, не слишком углублялись в сущность пророчеств или их воздействия, предпочитая простые описательные фразы, не оставлявшие места для интерпретаций и споров (хотя Ленсон, не особо выдающийся ученик, все равно не стал бы в них участвовать), но еще и потому, что во время чтения возникало смутное чувство, которое Ленсон вряд ли смог бы описать словами, даже если бы попытался.

А если бы попытался, получилось бы примерно следующее: «Эй, а ведь что получается – целая система общественных, политических и экономических отношений построена на туманных словах одной женщины, заявившей, будто на нее снизошло Божественное откровение? Не слишком-то умно, знаете ли».

Все потому, что Ленсон, как и его родители, был человеком практичным, которого мало интересовали духовные, телеологические или эсхатологические вопросы. Вышеизложенное и впрямь внушало ему беспокойство – словно откусываешь от пирога и ощущаешь странный привкус, который ты не можешь точно определить, но наверняка знаешь, что вот этот пирог иметь его не должен. Ты начинаешь сомневаться, хочется ли тебе его съесть, но выплюнуть неудобно, и ты просто проглатываешь кусок, накрываешь остаток пирога салфеткой и пытаешься вернуться к своим делам.

Чтение пророчеств вызывало у Ленсона точно такое же неясное чувство недовольства, смешанное со скукой, и он поступил единственным логичным образом – заснул с планшетом в руке. План выглядел превосходно, но внезапно «Против» покачнулся, сбросив Ленсона с койки, и в каюту ворвался ревущий ветер, принявшись высасывать из нее воздух, пока дверь в каюту с грохотом не закрылась.

Лежа на полу, Ленсон тяжело дышал, пытаясь понять, что произошло, и прислушивался к раздававшемуся в нескольких местах пронзительному свисту. Дверь захлопнулась, но не полностью; и хотя воздуховоды в каюте отключились, когда поток устремился в обратную сторону, воздух все же утекал через мелкие щели в уплотнениях.

Ленсону, выросшему на космическом корабле, не надо было объяснять, что означает этот свист. Подойдя к двери, он как следует закрыл ее и запер – теперь утечка происходила только через воздуховоды. К несчастью, до них было не добраться, поскольку они располагались внутри стен корабля.

Звякнул планшет. Ответив, Ленсон услышал на другом конце голос матери. Несколько секунд она рыдала от счастья – сын жив! – а затем поведала ему, что случилось:

– Эти долбаные засранцы стреляли в нас. – Такое ругательство от матери Ленсон слышал впервые. – Они не смогли нас догнать, а мы не отвечали на их вызовы, поэтому перед нашим входом в Поток они выпустили по нам три ракеты. Наша защита остановила их, но одна взорвалась слишком близко, и ее осколки пробили корпус около тебя. Мы перекрыли эти части корабля, но есть проблема.

– Какая? – спросил Ленсон.

– Мы в Потоке, – ответила Гонре. – Нужно вести себя осторожно, чтобы не повредить пространственно-временной пузырь вокруг корабля. Если мы повредим его слишком сильно, могут быть неприятности для всех.

Ленсон понимал, что мать преуменьшает опасность. Поток походил на реку, по которой корабли путешествовали между звездными системами, причем намного быстрее, чем в обычном космосе, где они не могли превысить скорость света. Но, напоминая реку, Поток не являлся ею – это была внепространственная сущность, при непосредственном контакте с которой материя просто исчезала. Путешествующим в Потоке кораблям приходилось создавать энергетический пузырь, забиравший с собой частицу пространства-времени, что позволяло им существовать внутри Потока. При лопании пузыря гибло все, что в нем находилось.

– Нам просто придется быть осторожнее, пока мы будем до тебя добираться, а потом – чинить корабль, – закончила Гонре.

– Мам, у меня воздух утекает, – сказал Ленсон и тут же услышал ее судорожный вздох.

– Сильно? – спросила она.

– Сейчас совсем чуть-чуть. Сперва утекло много, но потом дверь закрылась, и я ее запер. Но все равно уходит через воздуховод.

Гонре на мгновение отвернулась от планшета, крикнув что-то кому-то на мостике, и снова повернулась к сыну.

– Первым делом займемся его ремонтом, – сказала она. – И дадим тебе побольше воздуха.

– Это надолго? – спросил Ленсон.

– Ненадолго, – пообещала Гонре. – Тебе же хватит мужества?

– Конечно, – ответил Ленсон.

Но по прошествии двух часов, когда воздух заметно разредился, мужество оставило Ленсона, и он расплакался. Через три часа у него началась настоящая паника, и Тансу Орниллу пришлось приложить немало усилий, чтобы его сын не так активно расходовал истощающийся запас кислорода.

Через четыре часа Ленсон впервые в жизни помолился пророчице Рахеле.

Через пять часов она явилась к нему сама.

Ленсон взглянул на безмятежную, спокойную улыбку пророчицы – вопреки многовековым традициям религиозной иконографии, согласно которой боги, богини и пророки в лучшем случае могли лишь бесстрастно изгибать губы. Улыбка успокаивала и согревала.

– Мне страшно, – признался Ленсон пророчице.

Та снова улыбнулась, и эта улыбка придала ему больше уверенности, чем если бы прозвучали слова. Ему казалось – и в тот миг у него не было сомнений, – что она пришла из-за его молитв, ради него одного и ее присутствие доказывает, что он, Ленсон Орнилл, останется жив и, более того, ему суждены великие свершения.

Именно тогда, молча лежа в своей каюте, глядя на пророчицу и медленно моргая, Ленсон Орнилл решил посвятить свою жизнь церкви Взаимозависимости.

Мгновение спустя лязгнули заслонки воздуховодов, наполняя кабину воздухом. Глотая сладкий кислород и содрогаясь в религиозном экстазе, Ленсон Орнилл лишился чувств.

– Похоже на классическое кислородное голодание, – сказал вечером сыну Танс Орнилл в маленьком корабельном лазарете. Танс первым вошел в каюту Ленсона, и его ужас отступил, когда он услышал храп спящего мальчика. Проснувшись в лазарете, Ленсон тотчас же рассказал родителям о чудесной гостье. – Тебе не хватало кислорода, а перед аварией ты читал о пророчице. Ясно, почему она возникла в твоих галлюцинациях.

Ленсон посмотрел на отца и мать, которые склонились над его койкой, безмерно радуясь тому, что сын жив, и понял, что они никогда не оценят и не осознают этого откровения. Решив избавить их от лишних проблем – что показалось ему тогда достаточно взрослым поступком, – он согласно кивнул, и разговор перешел на негодяя Уитта, которому они поклялись отомстить, – намного позже Ленсон узнал, что тот оказался по другую сторону шлюза примерно через год после атаки на «Против». По слухам, Уитт снова переспал с женой кого-то не того, но Ленсон полагал, что были и другие причины и его родители могли иметь отношение к этому, а могли и не иметь.

Однако к тому времени, когда Ленсон наконец услышал о безвременной встрече Уитта с холодным и темным космическим вакуумом, его уже не было на «Против» – он учился в семинарии при Университете Сианя, лучшем учебном заведении церкви Взаимозависимости. Поначалу он вызывал любопытство у других семинаристов из-за того, что вырос на космическом корабле, а потом – из-за явления пророчицы.

– Похоже на кислородное голодание, – сказал ему первокурсник Нед Хли, его сосед по комнате в общежитии, во время ночных посиделок в мужской компании. Глотнув фрадо, алкогольного напитка с легким психотропным действием, он вручил бутылку Ленсону.

– Ничего подобного, – возразил Ленсон, взяв фрадо и тут же передав его направо.

– Но ведь ты и вправду задыхался? – спросил Сура Джимм, другой его сосед, беря бутылку. – Твой корабль получил пробоину. Из твоей каюты несколько часов уходил воздух.

– Да, – кивнул Ленсон. – Но вряд ли я увидел ее из-за этого.

– Наверняка из-за этого, – сказал Хли, забирая фрадо у Джимма.

– Так, значит, никому из вас не являлась Рахела? – в замешательстве спросил Ленсон.

– Не-а, – ответил Хли. – Мне как-то привиделся ящер, но я тогда здорово надрался.

– Это не то же самое, – заметил Ленсон.

– Примерно то же самое. – Хли снова отхлебнул из бутылки. – Еще пара глотков этого пойла – и я, пожалуй, снова его увижу.

Ленсон решил, что в этом отношении на приятелей полагаться не стоит – как и на большинство других семинаристов, что выяснилось позже. Все они были приятными людьми умеренных взглядов, способными к состраданию, но никто из них не терял связи с реальностью, не испытывал подлинной, подобной экстазу религиозной страсти – не важно, к Рахеле или к кому-нибудь еще.

– Церковь Взаимозависимости исповедует очень практичную религию, – сказала Ленсону куратор его курса Хуна Прин на одной из первых встреч, когда он решил, что ему нужно духовное руководство в этом вопросе. Как показалось ему, Прин могла его выслушать и дать дельный совет. – Она не содержит ничего мистического ни в догматах, ни в повседневной практике. По своей сути она ближе к конфуцианству, чем к христианству.

– Но ведь у самой Рахелы были видения, – возразил Ленсон, показывая случайно взятую с собой книгу Коваля «Пророчества Рахелы с комментариями».

– Да, были, – согласилась Прин. – И конечно же, один из главных споров внутри церкви касается природы этих видений. Что это – настоящее общение с Божественной сущностью или всего лишь «видения»? – (Ленсон буквально почувствовал стоящие вокруг слова кавычки.) – Возможно, это притчи, рассказанные для того, чтобы разделенное человечество поняло необходимость новой этики, призывающей к сотрудничеству и взаимозависимости в невиданных прежде масштабах.

– Яростные дебаты на эту тему продолжались в течение всей истории церкви, – кивнул Ленсон, цитируя текст из учебника, прочитанного еще в детстве и представляя, как выдающиеся древние теологи сражаются друг с другом за душу церкви.

– Ну, «яростные» – это сильно сказано, – заметила Прин. – Кажется, во время Пятого церковного собора епископ Чэнь швырнула чашку чая в епископа Джанни, но не столько из-за спора насчет фундаментальной природы видений,

сколько из-за того, что Джанни постоянно прерывал Чэнь и ей это надоело. В целом ранние дебаты проходили мирно и касались практического вопроса: как следует преподносить видения? Епископы тех лет прекрасно осознавали, что харизматические религии склонны порождать расколы, а это противоречит фундаментальной концепции Взаимозависимости.

– Наверняка у кого-нибудь были такие же видения, как у меня, – сказал Ленсон. Отчего-то ему запомнилась умоляющая интонация его собственного вопроса.

– История знает священников и епископов, которые объявляли о своих религиозных видениях и оправдывали ими попытки раскола, – согласилась Прин. – Если священник или епископ заявил о видении, он подвергается определенной процедуре.

– И в чем она заключается?

– Если я правильно помню, ему назначают лечение в связи с не выявленной ранее душевной болезнью. После этого он возвращается к служению, а если проблема остается – уходит в отставку.

– То есть церковь объявляет их сумасшедшими? – нахмурился Ленсон.

– «Сумасшедшими» – не вполне корректное слово. Разумнее сказать так: церковь понимает, что в практическом смысле это не Божественное откровение, а следствие других, более приземленных причин. И лучше разобраться с ними, чем оставлять человека в таком состоянии и идти на риск раскола.

– Но у меня были видения, и я душевно здоров.

– Похоже на кислородное голодание, – пожала плечами Прин.

Ленсон решил не настаивать.

– Что, если о своих видениях объявит имперо? – спросил он. – Ведь он – глава церкви. Его подвергнут той же процедуре?

– Не знаю, – призналась Прин. – Такого не случалось со времен Рахелы.

– Никогда? – скептически поинтересовался Ленсон.

– После восхождения на трон имперо уделяют мало внимания церкви, – сказала Прин. – У них хватает и других забот. Как и у тебя, Ленсон.

– Вы считаете, что я должен приписать свое видение нехватке кислорода?

– Я считаю, что тебе следует рассматривать свое видение как некий дар. – Прин успокаивающе подняла руку. – По какой бы причине оно тебе ни явилось, после него ты решил посвятить жизнь церкви, что стало благословением для тебя и может стать благословением для церкви. Оно уже изменило твою жизнь, Ленсон. Ты счастлив, что оно наставило тебя на этот путь?

– Да, – серьезно кивнул Ленсон.

– Ну вот, – сказала Прин. – В этом смысле не имеет значения, что стало причиной – Божественное вмешательство или временная нехватка кислорода. Ты решил сделать служение церкви своим призванием. Так давай же вместе приложим к этому все усилия. Согласен?

Решив приложить максимум усилий, Ленсон с головой погрузился в учебу. Он выбрал несколько курсов, посвященных мистической стороне церкви Взаимозависимости, но, по иронии судьбы, те читались сухо и не слишком увлекательно. Подход церкви заключался в том, чтобы не запрещать те или иные тексты, объявляя их отступническими, но лишать их всякой романтики с помощью многотомных комментариев, вгоняющих читателя в сон. Ленсон прочитал все, на что его хватило, и обнаружил, что его интерес куда-то улетучивается, причем все быстрее и быстрее.

В итоге верх взяли повседневные заботы, связанные с его семинарским и пастырским образованием. Сокровенному знанию он посвящал все меньше времени: приходилось заниматься более прозаическими делами, помогая священникам и светским работникам церкви на Сиане и Ядре исполнять их обязанности – те самые, которые ему однажды предстояло взять на себя. Не так-то просто сохранять интерес к сокровенной стороне религии, когда помогаешь заготавливать свечи для церковной службы.

При всем том практичная натура Ленсона, унаследованная от родителей и никуда не девшаяся, несмотря на всю его религиозность, вновь стала заявлять о себе, и ежедневная рутина церкви Взаимозависимости скорее способствовала этому, нежели препятствовала. Ленсон обнаружил, что в церковных порядках есть нечто привлекательное и он может неплохо ужиться с ними. За годы учения он превратился в глазах преподавателей и других студентов из диковинки в образцового семинариста, обладавшего всеми качествами для продвижения в церковной иерархии.

Волна всеобщего одобрения и похвал подхватила и понесла Ленсона, против чего он нисколько не возражал. После рукоположения в сан его назначили на Бремен, куда удалились на покой его родители, предварительно дождавшись истечения всех сроков давности. Далее последовало назначение на Ядро, а затем и на Сиань. Со временем он стал епископом и занимался организацией служб для беднейших граждан Взаимозависимости – должность, на которой приходилось уделять внимание скорее практической, чем духовной стороне церкви.

Чем выше поднимался в церковной иерархии Ленсон, теперь уже епископ Орнилл, тем больше изглаживалось из его памяти событие, побудившее его посвятить жизнь церкви. Из переломного момента оно превратилось в молчаливый источник веры, затем в странный случай, приведший к выбору жизненного пути, потом в историю для близких друзей, затем в забавный анекдот для прихожан и, наконец, в сценку для вечеринок, которую Ленсон услужливо разыгрывал перед новыми знакомыми по просьбе других епископов.

– Похоже, для вас это было прекрасное мгновение, – заметила на одной из вечеринок какая-то молодая женщина.

– Вероятно, всего лишь кислородное голодание, – с чарующей небрежностью ответил он.

В глубине души Ленсон сознавал: ему должно быть стыдно за то, что единственный в его жизни миг религиозного экстаза со временем получил рациональное объяснение в виде расстройства жизненных функций, – он сам верил в это не меньше, чем другие. Но он нашел ответ, который считал вполне приемлемым: благодаря неверно истолкованному мистическому откровению он накопил немалый опыт практической службы в церкви, ставшей одним из краеугольных камней самой успешной и во многих отношениях самой

устойчивой из всех человеческих цивилизаций. Циник мог бы сказать, что церковь, так хорошо интегрированная в имперскую систему, была всего лишь еще одним рычагом управления, но Ленсон также понимал, что подобный цинизм – роскошь, позволительная только благодаря стабильности системы, над которой насмехались циники.

Короче говоря, в религии Ленсона, а в последнее время и в его личном отношении к вере не было почти ничего мистического. Но это вовсе не означало, будто вера его ослабла: она стала даже сильнее. Однако это была вера не в пророчицу Рахелу, а в порожденную ею церковь, практичную, рассчитанную на то, чтобы существовать в течение столетий, помогая выжить росшей вместе с ней империи. Ленсон верил в церковь Взаимозависимости и ее миссию, а также в свою собственную миссию внутри теплого, надежного и вполне приземленного церковного царства. И эта практичная вера вполне его устраивала.

Теперь епископ Ленсон Орнилл, вместе с другими епископами церкви Взаимозависимости, которых удалось собрать за отведенное время, сидел на скамье собора Сианя, ожидая имперо Грейланд Вторую, формально возглавлявшую церковь. Удивительно, но она решила обратиться к иерархам своей церкви как кардинал Сианя и Ядра – предстоятель церкви Взаимозависимости, – а не в более прозаическом образе имперо.

Многих это удивило: на памяти живущих никто из имперо так не поступал. В последний раз это сделал Эринт Третий триста с лишним стандартных лет назад, высказываясь на довольно-таки скучную тему: изменение границ епархий ввиду неравномерного роста населения. Нынешние границы устраивали всех в этом смысле, и речь явно шла о чем-то другом.

К тому же Грейланд Вторая, которую епископы считали слабой правительницей, до этого момента не проявляла особого интереса к церкви как таковой. В последнее время ее больше всего заботили попытка мятежа со стороны семейства Нохамапитан и теоретические вопросы, касавшиеся стабильности течений Потока по всей Взаимозависимости. Ни то ни другое не имело прямого отношения к церкви, ее делам или миссии.

Мысль о том, что имперо собирается обратиться к епископам с церковной темой, казалась странной, а для некоторых даже чересчур дерзкой. У собравшихся епископов сложилось ощущение: сейчас они терпеливо выслушают некие размышления своей молодой имперо, а потом отправятся на формальный прием,

чтобы выпить, закусить и сфотографироваться с ней, после чего событие останется в памяти как курьезное воспоминание и повод для разговоров. И уж точно так полагал Ленсон.

В итоге епископ Ленсон Орнилл – как, честно говоря, и остальные епископы – оказался застигнут врасплох, когда Грейланд Вторая, в простых одеждах обычного священника вместо роскошного кардинальского облачения, остановилась у края алтаря и заговорила:

– Много лет назад нашему предку и предшественнице Рахеле явились видения, в результате которых возникла наша церковь, основа существования всей нашей цивилизации. Братья и сестры, у нас хорошие новости. Нам тоже явились видения – удивительные и чудесные. И видения эти говорят о миссии нашей церкви и ее роли в бурные времена, на пороге которых мы стоим. Возрадуйтесь, братья и сестры. Нашей церкви суждено духовно пробудиться ради спасения человечества в этом мире и за его пределами.

Ленсон Орнилл внимал словам Грейланд Второй, все лучше осознавая, что? они значат для церкви в том смысле, как он ее понимал, для его собственной веры и того события, которое заставило связать свою жизнь с тем и другим, когда он старался не задохнуться в крошечной каюте много лет назад. А потом, не отдавая себе отчета, он произнес слова, воплотившие все его чувства насчет вышеперечисленного в этот эпохальный момент.

– Зашибись, твою мать! – сказал он.

Часть первая

Глава 1

В начале была ложь.

Ложь заключалась в том, что у пророчицы Рахелы, основательницы Священной империи Взаимозависимых государств и Торговых гильдий, были мистические видения. Видения эти говорили как о будущем появлении, так и о необходимости создания обширной империи человеческих поселений, разбросанных в космосе на протяжении многих световых лет и связанных лишь посредством Потока, метакосмологической структуры, которую люди сравнивали с рекой. Образ реки возник в основном потому, что человеческий мозг, изначально предназначенный для скитаний по африканской саванне и почти не развившийся с тех пор, в буквальном смысле не мог понять, что это на самом деле такое, – пусть будет «река».

В так называемых пророчествах Рахелы не было ничего мистического – их сочинило семейство Ву, которому принадлежал консорциум предприятий, занимавшихся строительством космических кораблей и вербовкой наемников. Оценив текущую политическую обстановку, Ву решили, что пришло время взять под контроль отмели Потока, места, где по-человечески понятное пространство-время соединялось с Потоком, позволяя кораблям входить в эту метафорическую межзвездную реку и покидать ее. Ву прекрасно понимали, что монополия на сбор пошлин – куда более устойчивая бизнес-модель, чем строительство кораблей или их уничтожение, в зависимости от того, на что именно Ву получали заказ. Требовалось лишь придумать разумное объяснение, почему именно они станут сборщиками пошлин.

Пророчества были предложены, одобрены, написаны, отредактированы и окончательно отшлифованы на встречах членов семейства Ву, а потом их приписали юной Рахеле Ву: ее хорошо знали как лицо семьи Ву после нескольких благотворительных кампаний, и, кроме того, она обладала немалыми познаниями в маркетинге и рекламе. Пророчества являлись семейным проектом (вернее, проектом некоторых влиятельных членов семьи – допускать к нему кого угодно было нельзя, поскольку многие родственники не умели держать язык за зубами и могли только выпивать и служить чиновниками на местах), но их продажей занималась именно Рахела.

Кому она их продавала? Всем. Людей надо было убедить в том, что далеко разбросанные человеческие поселения должны объединиться под общим руководством; по случайности, оно должно принадлежать семье Ву, которая заодно будет взимать пошлины за межзвездные перелеты.

Естественно, этим занималась не только Рахела. В каждой звездной системе Ву нанимали и подкупали местных политиков и благообразных интеллектуалов. Те приводили доводы политического и общественного характера всем, кто думал, что им требуется убедительная и логичная причина для отказа от местного суверенитета в пользу зарождающегося политического союза, который уже обладал признаками империи. А для тех, кто не отличался особым умом или попросту предпочитал услышать об идее взаимозависимого союза от симпатичной молодой женщины, чьи слова о единстве и мире запали бы им в душу, имелась новоиспеченная пророчица Рахела.

(Ву не стали сообщать о мистической идее Взаимозависимости другим семействам и крупным корпорациям, с которыми приходилось иметь дело им и их сторонникам. Для них была выбрана другая линия: в обмен на поддержку плана Ву, замаскированного под альтруистический проект создания единого государства, те получали монополию на конкретные товары или услуги. По сути, их бизнес с раздражающими циклами взлетов и падений замещался стабильным, предсказуемым и нескончаемым потоком доходов, вместе со скидкой на пошлины, которые Ву собирались брать за путешествия внутри Потока. На самом деле это были не скидки, ведь Ву собирались брать плату за то, что раньше обходилось даром. Но Ву верно предположили, что все эти семейства и компании, ослепленные предложением ненарушимой монополии, не станут возражать, – и в основном оказались правы.)

В конечном счете Ву потратили на выполнение своего плана даже меньше времени, чем предполагали. По прошествии десяти лет другие семьи и компании уже обладали собственными монополиями и обещанными аристократическими титулами, оплаченные политики и интеллектуалы сделали свое дело, а пророчица Рахела и ее быстро расширявшаяся Взаимозависимая церковь завладели умами большей части остальной публики. Не обошлось без уклонистов и затянувшихся на десятилетия мятежей, но в общем и целом Ву верно выбрали время, момент и цель. Что касается смутьянов, было заранее решено, что официальным местом ссылки для всех, кто попытается противостоять Ву, станет планета под названием Край – отдаленное человеческое поселение во вновь создающейся Взаимозависимости, до которого было дольше всего добираться. К тому же к Краю и от Края вело лишь одно течение Потока.

Рахела, уже ставшая публичным лицом и духовным символом Взаимозависимости, была при всеобщем (тщательно срежиссированном)

одобрении избрана первой имперо. Новый, гендерно-нейтральный титул выбрали потому, что по результатам маркетинговых исследований он оказался наиболее привлекательным практически во всех сегментах рынка – свежий, новый и привлекательный аналог слова «император».

После знакомства с этой краткой, умалчивающей о многом истории возникновения Взаимозависимости может показаться, будто никто не оспаривал лежавшую в ее основе ложь и миллиарды людей беспрекословно проглотили выдумку о пророчествах Рахелы. Но это было вовсе не так: люди принимали ложь в той же степени, в какой стали бы принимать наступление современных духовных движений на традиционную религию, и их тревожило, что она приобретает все большее признание, пользуется все большим уважением и имеет все больше последователей. Тогдашние наблюдатели вовсе не проявляли слепоты по отношению к махинациям семейства Ву, в чьей игре ставкой была имперская власть. Озабоченность прорывалась в редакционных статьях и новостных шоу, кое-кто пытался взывать к закону.

Семейство Ву, однако, обладало тем, чего не было у других: организацией, деньгами и союзниками в лице других семейств, ставших теперь аристократическими. Процесс возникновения Взаимозависимости напоминал мчащегося во весь опор атакующего быка, а скептики-наблюдатели – рой мошкары. Ни те ни другие не причиняли друг другу особого вреда, и в итоге ничто не смогло помешать образованию империи.

Еще одна причина, по которой ложь сработала, заключалась в том, что после образования Взаимозависимости пророчица-имперо Рахела объявила, что с видениями и пророчествами в основном покончено – по крайней мере, на ближайшее время. Всю власть во Взаимозависимой церкви она передала архиепископу Сианя и комитету епископов. Те быстро создали организацию, отодвинувшую на второй план духовную сторону церкви, сделавшую ее приправой к новой религии, а не главным блюдом.

Иными словами, и Рахела, и церковь мало что делали для духовной жизни Взаимозависимости в те важнейшие ранние годы, когда империя по естественным причинам была чересчур хрупкой. Следующие имперо, из которых ни один не стал добавлять к своему титулу слово «пророк», в основном следовали ее примеру и оставались в стороне от церковных дел, за исключением участия в церемониях. Это вызвало облегчение у церковников, а по прошествии веков стало соответствовать их ожиданиям.

Церковь, естественно, никогда не признавала, что видения и пророчества Рахелы являются ложью. Да и с чего бы? Прежде всего ни Рахела, ни семейство Ву не утверждали открыто, если не считать внутрисемейных бесед, что духовная сторона Взаимозависимой церкви – искусственный продукт. Вряд ли стоило ожидать, что наследники Рахелы – как имперо, так и церковники – сознаются в этом или хотя бы публично выскажут подозрения, подрывающие их собственный авторитет. А значит, превращение видений и пророчеств в доктрину было лишь вопросом времени.

К тому же видения и пророчества Рахелы по большей части сбылись. Выяснилось, что «пророчество» о будущей Взаимозависимости, рассчитанное на далекую перспективу, тем не менее вполне выполнимо, если вам хватает амбиций, денег и определенной жесткости, – а у семейства Ву все это имелось в избытке. Пророчества Рахелы требовали изменить не образ жизни, а лишь систему правления так, чтобы самая верхушка получила еще больше власти, денег и рычагов контроля. Как оказалось, требование не было чрезмерным.

И наконец, семейство Ву во многом было право. Человечество разбросано на огромном пространстве, и из всех звездных систем, к которым подходил Поток, лишь в одной имелась планета с пригодной для жизни поверхностью – Край. В остальных системах люди жили в герметически изолированных поселениях на планетах, спутниках или в космическом пространстве. Эти поселения, крайне уязвимые, не могли производить необходимое сырье и все прочее, что требовалось для выживания людей. Взаимозависимость стала условием выживания человечества.

А была ли таким условием политическая, общественная и религиозная структура Взаимозависимости? Вопрос оставался открытым, но семейство Ву, решив обрести долговременную и устойчивую власть, использовало ложь, чтобы повести за собой остальных. Заодно Ву создали систему, в которой большинство людей могли жить с комфортом, не испытывая постоянного страха перед возможной изоляцией, энтропией, неизбежным коллапсом общества и гибелью всех, кто был для них дорог.

Ложь в той или иной степени приносила пользу всем. Это было очень хорошо для семейства Ву, весьма неплохо для остальной аристократии и вполне приемлемо для большинства населения. Людям не нравится ложь, когда она влечет за собой отрицательные последствия. А если наоборот? Они просто живут, как

жили раньше, и в конце концов ложь как таковая забывается или, как в нашем случае, становится основой религии, превращаясь в нечто более благообразное и приятное.

Видения и пророчества Рахелы были ложью, сыгравшей именно ту роль, которую от нее ожидали. Они оставались краеугольным камнем доктрины Взаимозависимой церкви, ведь их породила пророчица, ставшая первой импero. Но церковная доктрина не запрещала другим импero объявлять о собственных видениях и пророчествах. Более того, предполагалось, что, будучи главой Взаимозависимой церкви, каждый импero способен на пророчества. Все восемьдесят восемь вели свою родословную от самой пророчицы-импero Рахелы, ставшей не только матерью Взаимозависимости, но и матерью семерых детей; однажды она разродилась тройней.

В соответствии с доктриной, каждому импero могли являться видения, и каждый импero мог оглашать пророчества. Просто ни с кем из них, кроме самой Рахелы, такого не случалось.

До сегодняшнего дня.

Перед дверью дворцового зала, отведенного для заседаний исполнительного комитета, архиепископ Гунда Корбейн, возглавлявшая его, вдруг остановилась, к удивлению своего помощника, и склонила голову.

– Ваше преосвященство? – спросил ее помощник, молодой священник по имени Юбес Иси.

Корбейн подняла руку, не давая задать вопрос, и немного постояла, собираясь с мыслями.

– Раньше было проще, – вполголоса проговорила она и печально улыбнулась. Она собиралась прочесть короткую молитву о терпении, спокойствии и мире, чтобы под их знаком прошел весь этот долгий день, или месяц, или весь остаток ее карьеры, но вышло нечто совсем другое. Что ж, ничего необычного, учитывая события последних дней.

– Вы что-то сказали, ваше преосвященство? – спросил Иси.

– Ничего, Юбес. Просто говорила сама с собой, – ответила Корбейн.

Кивнув, молодой священник показал на дверь зала:

– Остальные члены комитета уже там. Кроме импero, конечно. Она прибудет в назначенное время.

– Спасибо, – сказала Корбейн, глядя на дверь.

– С вами все в порядке? – спросил Иси, проследив за взглядом начальницы. Корбейн знала, что Иси относится к ней с почтением, но далеко не глуп. Ему было хорошо известно о недавних событиях – пропустить их он ни в коем случае не мог, как и любой другой. Они потрясли церковь до основания.

– В полном, – заверила его Корбейн и шагнула к двери. Иси двинулся за ней, но Корбейн снова подняла руку. – Никто не войдет сюда, кроме членов комитета, – сказала она и тут же увидела на лице Иси молчаливый вопрос. – На этом заседании, скорее всего, состоится откровенный обмен мнениями, и лучше, если ни одно из высказанных соображений не покинет пределов этого зала.

– Откровенный обмен мнениями? – скептически переспросил Иси.

– Да, – кивнула Корбейн. – Пока я называю это именно так.

Нахмурившись, Иси поклонился и удалился в сторону.

Подняв глаза к небу, Корбейн прочитала молитву, на этот раз полноценную, и вошла в зал – большой и чрезмерно разукрашенный, как и все залы в имперском дворце. Его заполняли накопившиеся за столетия произведения искусства – дары, полученные прошлыми имперо, и их приобретения, обладавшие скорее денежной, нежели художественной ценностью. На дальней стене зала была фреска с великими историческими деятелями, на протяжении веков входившими в состав исполнительного комитета. Ее автор, художник Ламберт, написал фон в стиле итальянского Ренессанса, а сами фигуры – в стиле реализма первых лет Взаимозависимости. Эта настенная живопись с самого начала показалась Гунде

Корбейн отталкивающей мешаниной, а героические образы – смехотворной попыткой подчеркнуть важность исполнительного комитета и его повседневной деятельности.

«Вряд ли кто-то изобразит на картине нынешний комитет», – подумала Корбейн, подходя к столу с десятью богато украшенными креслами вокруг него. Восемь уже были заняты, в них сидели двое других представителей церкви, трое членов парламента и трое представителей гильдий и стоявшей за ними аристократии. Остались два кресла в двух концах стола: одно предназначалось для нее, главы комитета, а другое – для имперо Грейланд Второй, источника нынешней головной боли Гунды Корбейн.

О чем ей тут же напомнили, едва она успела занять свое место.

– Что это за хрень насчет видений импero? – спросил Теран Ассан, отпрыск семейства Ассан, новый член комитета, которым поспешно (по мнению Корбейн, даже чересчур поспешно) заменили Надаше Нохамапитан, пребывавшую теперь в имперской тюрьме за убийство, измену и покушение на жизнь импero.

Корбейн пожалела об отсутствии Надаше, – возможно, та и была изменницей, но умела соблюдать приличия. Увы, Ассан не мог похвастаться этим – он был из тех, кто считает пристойное поведение уделом слабаков.

Она окинула стол взглядом, наблюдая за разнообразной реакцией остальных: от отвращения до усталого признания того, что манеры Ассана, вероятно, сильно сужают границы дурного поведения.

– И вам доброе утро, лорд Теран, – сказала Корбейн. – Рада, что вы начали наше заседание с обмена любезностями.

– Какие еще любезности, когда наша импero объявляет, будто ей привиделась какая-то религиозная чушь насчет конца Взаимозависимости и разрушения системы гильдий? – заявил Ассан. – Мне кажется, ваше преосвященство, что выбранная вами расстановка приоритетов ни к черту не годится.

– Оскорбления в адрес других членов комитета не помогут ему работать лучше, лорд Теран, – заметила Упекша Ранатунга, член парламента. Ассан стал раздражать Ранатунгу сразу же после своего появления в комитете, и Корбейн

знала, что ей нелегко сдерживаться. Ранатунга была настоящим политиком и умела ладить с каждым, а особенно с теми, кого она терпеть не могла.

– Позвольте возразить, – сказал Ассан. – Всего лишь месяц назад наша обожаемая импero объявила, что, по ее мнению, Поток, позволяющий нам путешествовать среди звезд, разрушается, и в доказательство притащила захолустного ученого, о котором никто не слышал. Такое заявление само по себе ведет к экономическим и общественным потрясениям, даже если другие ученые оспаривают его. А теперь импero еще заявляет о каких-то таинственных пророчествах. Но вы, ваше преосвященство, – Ассан махнул рукой в сторону Корбейн, – хотите обмена любезностями. Что ж, прекрасно. Приветствую вас, ваше преосвященство. Вы превосходно выглядите. Тратить время на любезности глупо и бессмысленно. К тому же, если вы не слышали, главу империи посетили какие-то долбаные видения, так что, может, оставим любезности и сосредоточимся на деле? Что скажете?

– И что вы имеете против этих видений, лорд Теран? – как можно любезнее спросила Корбейн, сложив руки.

– Вы что, шутите? – Ассан наклонился в своем кресле. – Во-первых, очевидно, что импero заявляет о видениях, потому что все отвергают мысль о закрытии Потока. Она пытается убедить парламент и гильдии, но те сопротивляются. Во-вторых, ее пока что поддерживает церковь, – это уже вопрос к вам, ваше преосвященство. В-третьих, если это действительно видения, а не просто удобный рычаг воздействия, то у нашей молодой импero не все в порядке с головой, и это крайне серьезно. Все эти вопросы следует незамедлительно рассмотреть.

– Церковь вовсе не поддерживает импero, – сказал епископ Шант Бордлеон, сидевший напротив Ассана: до его появления он был самым младшим членом комитета.

– Что, правда? – бросил Ассан. – Церковь не издала ни звука с тех пор, как Грейланд выступила с небольшой речью в соборе два дня назад. Могли бы и высказаться по этому поводу. Возможно, даже возразить.

– Имперо – глава церкви, – произнес Бордлеон таким тоном, будто объяснял очень упрямому ребенку. – Это не рядовой священник с дальнего шахтерского

поселения, которого можно призвать к порядку.

– То есть для импера все иначе? – язвительно спросил Ассан.

– В общем-то, да, – ответила Корбейн. – Импера обратилась к епископам официально, с церковной кафедры, не как светская глава империи, но как духовная наследница пророчицы. Мы не можем ни отвергнуть, ни опровергнуть сказанного ею. Самое большее, что может сделать церковь, – истолковать это.

– Истолковать бред?

– Истолковать видения. – Корбейн обвела взглядом стол. – В основу Взаимозависимой церкви легли видения пророчицы Рахелы, которая стала первой импера Взаимозависимости. После основания империи обе эти роли тесно переплелись. – Она пристально посмотрела на Ассана. – С точки зрения доктрины Грейланд не совершила ничего незаконного. Церковь, какой бы ни была ее нынешняя сущность, основана на видениях, духовных по своей сути. Наша доктрина признает, что кардинал Сианя и Ядра, как глава церкви, может иметь такие видения, подобно Рахеле. И видения эти могут содержать в себе откровение, способное повлиять на доктрину.

– И вы полагаете, мы с этим согласимся? – спросил Ассан.

– Кого вы подразумеваете под словом «мы»? – уточнила Корбейн.

– Во-первых, гильдии. – Ассан показал на Ранатунгу. – Во-вторых, парламент.

– Законы о богохульстве существуют до сих пор, – заметил Бордлеон. – И иногда даже применяются.

– Как удобно! – усмехнулся Ассан.

– Лорд Теран в чем-то прав, – сказала Ранатунга, и Корбейн уважительно посмотрела на нее, зная, что эти слова дались ей нелегко. – Не знаю, насколько это верно с точки зрения доктрины, но ни один импера в истории не утверждал себя столь активно в качестве главы церкви. И уж точно ни один не заявлял ни о каких видениях.

– Вам кажется подозрительным время, которое она выбрала? – спросила Корбейн.

– Я бы не назвала бы это подозрительным, – как всегда, вежливо ответила Ранатунга. – Но я не слепа и прекрасно вижу, в какой политической ситуации оказалась Грейланд. Лорд Теран прав. Своими заявлениями насчет Потока она разладила государственное управление и повергла людей в панику. Так что взывать следует не к ее пророчествам, а к науке и разуму. – Корбейн слегка нахмурилась. Заметив ее взгляд, Ранатунга успокаивающе подняла руку. – Я вовсе не критикую церковь или ее доктрины. Но вам, Гунда, следует признать, что для импero это несвойственно. Следует, по крайней мере, спросить об этом ее саму. Напрямую.

Планшет Корбейн издал звон. Прочитав сообщение, она встала и знаком велела встать остальным.

– У вас появился шанс, Уп. Она здесь.

Глава 2

Наступил тот момент, которого ждала импero Грейланд Вторая, – под конец долгого и, если честно, весьма скучного заседания.

– Ваше величество, возможно, стоит детальнее обсудить ваши… видения, – сказала архиепископ Гунда Корбейн.

Головы всех членов исполнительного комитета, в задачу которого входило давать советы импero по поводу управления Взаимозависимостью – не важно, нуждалась та в этих советах или нет, – повернулись к ней.

На девяти лицах Грейланд увидела самые разные чувства. Одни выражали озабоченность, что ей понравилось. Другие – презрение, что ей нисколько не

понравилось. Остальные демонстрировали удивление, раздражение, отвращение или замешательство, порой одновременно.

Грейланд Вторая, импero Священной империи Взаимозависимых государств и Торговых гильдий, королева Ядра и Ассоциированных наций, глава Взаимозависимой церкви, наследница Земли и Мать всего сущего, восемьдесят восьмая импero из дома Ву, внимательно изучала эти лица, оценивая эмоции девятерых людей – возможно, самых могущественных в известной Вселенной, не считая ее самой.

А потом рассмеялась, что отнюдь не расположило к ней собравшихся.

– Вы считаете, будто мы сошли с ума? – спросила Грейланд: в устах импero это «мы» не звучало претенциозно.

– Никто из нас не утверждал ничего подобного, – поспешно сказала Корбейн.

– Мы более чем уверены, что это неправда, – небрежно возразила Грейланд. – Наверняка никто не утверждал ничего подобного за этим столом в нашем присутствии. Но мы не столь наивны и думаем, что в наше отсутствие об этом не только перешептываются, но и говорят вслух, а иногда кричат во весь голос.

Грейланд заметила, как взгляды некоторых переместились на Терана Ассана, младшего члена комитета, что нисколько ее не удивило.

– Мы все преданы вам, ваше величество, – сказала Упекша Ранатунга.

– У нас нет причин сомневаться в преданности комитета, – доброжелательно ответила Грейланд, заметившая, что одна только Ранатунга выглядит озабоченной. – Ни у меня, ни у Взаимозависимости. Однако мы осознаем, куда может завести преданность, если человек считает, что тот, кому он предан, выжил из ума.

– Итак, вы желаете от нас повиновения, ваше величество? – спросил Ассан. На его лице читалось презрение – хотя, если честно, презрительное выражение не покидало его физиономии уже несколько недель, с тех пор как он занял свое место в комитете.

– Мы надеемся на вашу веру, – сказала Грейланд, обводя взглядом стол. – Да, мы понимаем, в подобное трудно поверить. Ни один имперо после Рахелы не объявлял о своих видениях. В течение тысячелетия имперо были рады держаться подальше от любых откровений. И даже те, у кого бывали видения, не видели в них ничего религиозного. Когда у Аттавио Второго в конце его правления случались алкогольные галлюцинации, он видел, как по дворцу бегают усыпанные драгоценными камнями цыплята, – усмехнулась Грейланд, тут же отметив, что никто не смеется вместе с ней.

– Кое-кого из нас беспокоит, что ваши видения, возможно, ближе к тем самым цыплятам, чем к подлинным откровениям, – сказал Ассан, и Грейланд увидела, как восемь пар бровей остальных членов комитета удивленно поднялись – у кого повыше, у кого пониже.

Грейланд снова рассмеялась.

– Спасибо вам, лорд Теран, – ответила она. – Если бы все наши советники высказывались так честно…

– Я вовсе не собирался добиться вашей благосклонности, – возразил Ассан.

– Можем вас заверить, мы и не думали, что вы собирались, – сказала Грейланд и обратилась к Корбейн, главе исполнительного комитета: – А поскольку мы предвидели, что это вызовет озабоченность комитета, не говоря уже о Взаимозависимости в целом, мы разрешили Кви Дринину, имперскому врачу, обсуждать с комитетом все, что касается моего телесного и духовного здоровья. Можете спрашивать его о чем пожелаете.

– Рада слышать, – ответила Корбейн. – Мы в ближайшее время свяжемся с ним.

Кивнув, Грейланд переключила свое внимание на Ассана:

– Наши видения – не какие-то призрачные цыплята, лорд Теран. Это нечто совсем иное. Нельзя сказать, что нам хотелось иметь их, сейчас и без того тяжелые времена. Но мы – имперо и прямая наследница пророчицы Рахелы. В наших жилах течет та же кровь. Дом Ву царствует в Священной империи Взаимозависимых государств уже тысячу лет, и будет разумно полагать, что способность к откровениям никуда не делась.

– Сомневаюсь, что способность к откровениям может передаваться по наследству, ваше величество, – заметил Ассан.

– Если честно, мы тоже сомневаемся, – ответила Грейланд. – И все же – что есть, то есть. Мы, как и Рахела, возглавляем Взаимозависимую церковь, возникшую на основе откровения. На нас, как и на Рахелу, снизошло откровение в преддверии громадных перемен: человечеству придется избрать новый способ существования в космосе. Мы, как и Рахела, призваны провести наш народ через грядущий кризис.

– Тот самый коллапс Потока, о котором заявляет ваш ученый?

Грейланд улыбнулась:

– Вы видели список кораблей, прибывших на Ядро с Края за последний месяц, лорд Теран? Мы видели. Он весьма короток: количество кораблей равно нулю. Они не прибыли, поскольку так и не покинули Край. Течение Потока от Края к нам перестало существовать. Если нам не изменяет память, один из неприбывших кораблей – ваш, принадлежащий дому Ассан. По расписанию он должен был прибыть три недели назад. Кажется, я помню, как о нем упоминал мой налоговый чиновник.

Ассан неловко поерзал в кресле:

– Задержка пока выглядит вполне приемлемой.

– К тому же на Крае идет гражданская война, – заметила Ранатунга. – Это может повлиять на прибытие кораблей.

– Наверное, комитет полагает, что может позволить себе роскошь находить вполне прозаические причины для задержки каждого корабля, – сказала Грейланд. – Но мы такого позволить себе не можем. Граф Клермонт по поручению моего отца в течение тридцати лет изучал данные о течениях Потока и предсказал с точностью до нескольких часов коллапс течения Потока от Края к Ядру. С большой вероятностью, в ближайший месяц следующим станет течение от Ядра к Тератуму. Мы предоставили все эти данные вашему комитету, парламенту и ученым, и лорд Марс, сын графа Клермонта, остался здесь, чтобы

дать объяснения каждому, кто решит его выслушать.

– И тем не менее ни парламент, ни ученые в полной мере не убеждены, – пробормотала Корбейн.

– Данных слишком много, а времени, увы, крайне мало, – ответила Грейланд. – Сожалеем, но, вероятно, они будут убеждены, когда разрушится течение к Тератуму.

– Если, – поправил Ассан.

– Когда, – покачала головой Грейланд.

– Все это явилось вам в видениях? – бесцеремонно спросил Ассан.

– Видения ни к чему, когда есть данные, – улыбнулась Грейланд. – Но, так или иначе, нужно рассмотреть то и другое. И это должен сделать комитет. Нам нужно, чтобы вы поняли смысл данных. Нам нужно, чтобы вы поверили. А если нет – тогда, лорд Теран, мы действительно потребуем от вас полного повиновения. Пока всё.

Она встала – члены комитета сделали то же самое, – кивнула и вышла.

– Возможно, я совершила ошибку, – сказала Кардения Ву-Патрик призраку своего отца.

Аттавио Шестой – или, точнее, его призрак, а если быть совсем точным, компьютерная имитация Аттавио Шестого, состоявшая из воспоминаний, записанных в течение всей его жизни, – кивнул.

– Возможно, – ответил он.

– Спасибо, – сказала Кардения, она же ее величество Грейланд Вторая. – Твоя поддержка меня вдохновляет.

Оба находились в Зале Памяти, большом, почти пустом помещении, куда мог войти лишь правящий имперо. Виртуальный помощник по имени Цзии, если его попросить, мог вызвать аватар любого из предыдущих имперо, вплоть до Рахелы. Кардения знала, что когда она перестанет быть имперо, ее воспоминания, чувства и действия тоже загрузят сюда, чтобы они служили ее преемнику.

Вот только будет ли у нее преемник? На этот вопрос у Кардении пока не находилось ответа.

– Я лишь соглашаюсь с тобой, – сказал Аттавио Шестой. – Похоже, ты чем-то расстроена, и я решил, что, если согласиться с тобой, ты, возможно, почувствуешь себя лучше.

– Только не в этом случае. Придется поработать над твоей программой в части восприятия чужих эмоций.

– Что ж, ладно. – Аттавио скрестил руки, продолжая стоять рядом с сидящей дочерью. – Расскажи подробнее о том, в чем ты, как считаешь, ошиблась.

– В том, что рассказала о своих видениях.

– О конце Взаимозависимости?

– Да.

– Ясно. Что ж, вероятно, ты и впрямь совершила ошибку.

Кардения беспомощно развела руками.

– Удивляюсь, что ты чего-то ожидала, – сказал Аттавио Шестой.

– Правда?

– Да. Насколько я способен удивляться.

– Но почему?

– Ты пытаешься воспроизвести действия Рахелы, но у тебя нет таких же начальных условий. У тебя нет поддержки семьи Ву или ее ресурсов, которые поддержат тебя в других областях. У тебя нет рычагов воздействия на аристократические дома. Тебя поддерживает, вероятно, одна только Взаимозависимая церковь, да и то с неохотой. И наконец, ты не строишь империю, а пытаешься ее демонтировать. Империю, которая была успешной в течение тысячи лет.

– Я все это знаю, – ответила Кардения. – Я также приняла во внимание, что одно течение Потока уже закрылось, а вскоре закроются еще несколько. Я знаю, у меня нет времени, чтобы добиться консенсуса в парламенте, среди гильдий или даже среди ученых, прежде чем все начнет разваливаться на части. Мне нужно спасти до кризиса как можно больше людей. Это можно сделать через церковь, причем так, что у церкви не найдется повода что-либо оспорить с точки зрения доктрины. Объявить о пророчестве.

– Ты же прекрасно понимаешь, что отсутствие повода оспорить что-либо с точки зрения доктрины вовсе не означает отсутствие аргументов, – сказал Аттавио Шестой. – Церковь и религия, которой она служит, – далеко не одно и то же. Церковь состоит из людей. А каковы люди, ты и сама знаешь.

– Я думала, что понимаю, – кивнула Кардения.

– Но теперь у тебя появились сомнения.

– Да, появились. Я не считала, что мне удастся мгновенно убедить церковь, – не настолько уж я глупа. Но я полагала, что с ее стороны будет больше содействия, больше понимания того, что я делаю и для чего.

– Но церковным иерархам ты этого не говорила? – спросил Аттавио Шестой.

Кардения с усмешкой посмотрела на отца:

– Опять же, я не настолько глупа. В церкви полагают, будто я безмятежно верую в свои видения. В исполнительном комитете тоже. Сегодня я с ними встречалась

и сказала, что мне нужна их вера. Лорд Теран как минимум был готов взорваться от злости.

– С ним я не был знаком, – сказал Аттавио Шестой. – Но я знал его отца. Дом Ассан – надежный политический союзник дома Ву.

– Видимо, именно потому лорд Теран и стал членом комитета, – снова кивнула Кардения. – Сперва гильдии пытались воздействовать на меня, посадив в комитете Надаше Нохамапитан. Но сомневаюсь, что лорд Теран лучше. С Надаше, по крайней мере, было все понятно: она интриговала ради себя и своей семьи. А что замышляет лорд Теран, я не знаю.

– Ты можешь это выяснить, – предложил Аттавио Шестой.

– Думаю, пока рано.

– Ты имперо. Для тебя никогда не рано.

Лорд Теран Ассан провел рукой над замком двери в своих покоях, внутри фамильных апартаментов в Сиане. Обстановка покоев пока что была крайне скудной – бо?льшая часть имущества осталась в более просторных апартаментах лорда в Ядропаде, где до своего нынешнего назначения он занимал должность управляющего директора дома Ассан по внутрисистемным операциям.

Вхождение Ассана в исполнительный комитет стало несомненной удачей для дома, добивавшегося места в комитете столетиями – в буквальном смысле слова. Им всегда отказывали: было известно, что Ассаны – ближайшие союзники Ву, а дом Ву формально возглавлял импero. Фактически же импero почти не вмешивались в повседневную деятельность своего дома. Совет директоров Ву, собранный из высокопоставленных представителей семьи, не потерпел бы подобного, к тому же у импero имелась целая Взаимозависимость, которой он мог править как заблагорассудится.

И тем не менее другие гильдии, а также соответствующие аристократические дома, считали отношения домов Ассан и Ву чересчур близкими и, следовательно, – дискомфортными для остальных в политическом смысле. Им

меньше всего хотелось, чтобы исполнительный комитет стал еще одним потенциальным источником поддержки для того, кто восседал на троне.

Но затем Надаше Нохамапитан попыталась убить Грейланд Вторую – как минимум один раз, о чем было известно наверняка, а может, и два (насчет второго присяжные еще не приняли решения, хотя, собственно, коллегию присяжных еще только предстояло собрать), и заодно умудрилась убить своего старшего брата, разжечь мятеж на планете Край с помощью другого брата и вообще совершить немало поступков, которые нельзя было квалифицировать иначе как измену.

Эта небольшая встряска, которую пришлось пережить импero, показалась гильдиям удобным случаем, чтобы ввести в состав исполнительного комитета члена дома Ассан. Терана Ассана, как высокопоставленного представителя семьи в системе, вынудили взять эту обязанность на себя.

Ассан считал это воистину пустой тратой времени. Грейланд (при мысли о ней Ассан невольно вздрогнул, поскольку знал импero еще как Кардению Ву-Патрик и она нисколько его не впечатлила: на роль импero она годилась не больше, чем сам Ассан – на роль жонглера ножами) была обязана встречаться с членами комитета и выслушивать их соображения и советы. Но она не была обязана принимать их во внимание или следовать им, и к концу первого заседания, на котором присутствовал Ассан – оно состоялось почти месяц назад, – стало ясно, что Грейланд приходит на заседания, желая быстрее покончить со всем этим.

Особенно проблематично это выглядело в связи с тем, что незадолго до его появления в комитете Грейланд начала нести чушь про смещение течений Потока и привела с собой какого-то придурка по имени лорд Марс, который заявил, будто у него есть доказательства. Надо сказать, что Марс выглядел не слишком убедительно во время своих выступлений как в комитете, так и в парламенте. Конечно, затянувшееся отсутствие сообщения с Краем беспокоило многие дома (включая дом Ассан – имперо была права, утверждая, что одна из их «пятерок», «Благословен твой дар», серьезно запаздывает). Но тот факт, что лакей имперо объявил, будто следующим обрушится течение Потока к родной системе Нохамапитанов, выглядел легким щелчком им по носу.

Так или иначе, пока этого не случилось. Существовало множество причин, по которым корабли могли задержаться на Крае, не таких драматических, как коллапс течения Потока, – вплоть до запрета на космическое сообщение со

стороны империи.

Соответственно, возникал вопрос: какую игру ведет Грейланд Вторая? И долго ли рассчитывает ее вести, прежде чем станут ясны ее намерения? Не являются ли ее проклятые видения всего лишь очередным тактическим ходом, чтобы продлить идиотскую игру на несколько дней или недель?

Учитывая все вышесказанное, Ассан с радостью предпочел бы остаться на прежней должности, ведя свои привычные дела. Впрочем, это не означало, что он не собирался обратить свое нынешнее положение себе на пользу.

Подойдя к бару, Ассан положил лед в бокал, налил виски и связался по закрытому каналу с Джейсином Ву, членом совета дома Ву.

– Хочешь знать, что было на сегодняшнем заседании? – спросил Ассан.

Джейсин что-то утвердительно буркнул, и Ассан рассказал о главном, включая дискуссию о видениях Грейланд.

– Она просила нас ей поверить, – закончил он.

– Мать твою! – раздраженно бросил Джейсин Ву. – Дом Ву строит космические корабли, а она твердит, будто Поток вот-вот рухнет. Заказов уже стало меньше на сорок процентов. Такое ощущение, будто она пытается угробить наше семейное дело.

– Собственно, к семье она никогда по-настоящему не принадлежала, – проворчал Ассан. – Все должен был получить Реннеред.

– Да, пока не врезался в стену, – ответил Джейсин. – Глупая смерть. Если только Надаше Нохамапитан не подпортила чего-нибудь в его машине.

– Теперь она для вас не проблема.

– Она все еще жива. Так что проблема остается. Пока.

– Пока? – переспросил Ассан.

Джейсин проигнорировал его вопрос.

– Тебе нужно поговорить с Грейланд наедине, – сказал он. – Выяснить, что с ней на самом деле творится.

– Я пытаюсь добиться встречи с ней с тех пор, как прибыл сюда, – возразил Ассан. – Но меня все время отодвигают в конец очереди. Это тебе надо попросить о встрече с ней. И взять меня с собой.

– Обычно так не делается, – ответил Джейсин. – Имперо встречается с советом дома Ву раз в год, а все остальные вопросы решаются через подчиненных.

– Но и о своих видениях имперо обычно не заявляет, – заметил Ассан.

– Я подумаю, – буркнул Джейсин и отключился.

Сделав глоток виски, Ассан снова позвонил по закрытому каналу, на этот раз Дерану Ву, двоюродному брату Джейсина, тоже входившему в совет дома Ву.

– Хочешь знать, что было на сегодняшнем заседании? – спросил Ассан, после чего изложил Дерану примерно то же самое, что и Джейсину.

– Джейсину ты рассказал то же самое? – спросил Деран.

– В основном, – ответил Ассан.

– И как он к этому отнесся?

– Его беспокоит, что это может повлиять на строительство кораблей.

– Потому что он идиот, – фыркнул Деран. – Все потери на кораблях мы компенсируем за счет продажи оружия и отчислений на охрану.

– Только на какое-то время, – заметил Ассан. – Если имперо права насчет распада течений Потока…

Деран пренебрежительно махнул рукой:

– У Грейланд явно не в порядке с головой. Скоро ее дом это поймет и примет меры.

– Что ты хочешь сказать?

– Что ты пока можешь об этом не беспокоиться. И вообще, я был бы только рад, если бы Надаше Нохамапитан сумела довести дело до конца с тем челноком, что размазал моего дорогого двоюродного братца. Все-таки она неплохо поработала.

– Вряд ли Джейсин доволен, что она все еще жива. В смысле, Надаше Нохамапитан, а не Грейланд.

– Поверь, мнение Джейсина на этот счет хорошо мне известно. В выражениях он не стесняется.

– Имперо будет выглядеть не лучшим образом, если с Надаше что-то случится.

– Да, – согласился Деран. – И мне не хотелось бы, чтобы эту конкретную фигуру сняли с доски именно таким образом. В данном случае – любую из двух фигур. Но об этом тебе тоже незачем беспокоиться, Теран.

– Само собой.

– Попытайся встретиться с Грейланд наедине.

– Она меня избегает.

– Посмотрим, что удастся сделать, – улыбнулся Деран и отключился.

Ассан тоже улыбнулся, но про себя. Допив виски, он сделал третий и последний за этот вечер звонок.

– Да? – спросил голос на другом конце.

– Могу я попросить леди Нохамапитан?

– Она… нездорова.

– Я знаю. Мне также известно, что я могу оставить сообщение, которое ей передадут.

– Что именно?

– Полагаю, ей хотелось бы получить отчет о сегодняшнем заседании.

На мгновение наступила тишина, затем голос раздался снова:

– Говорите.

Глава 3

Когда к Надаше явилась наемная убийца с заточкой, сделанной из зубной щетки, первой мыслью Надаши было: «Не думала, что придется ждать так долг». Она сидела в имперской тюрьме уже больше месяца, и то, что Грейланд Вторая подослала к ней своего человека только сейчас, казалось ей крайне оскорбительным.

Вторую мысль она озвучила: «Вот ведь гадство!» Когда тебе вот-вот вопьется под ребра зубная щетка (или нечто похожее), которую держит в руках баба, судя по виду, всю жизнь занимавшаяся удушением домашней скотины, нет ничего дурного в том, чтобы слегка выругаться.

Если честно, это внесло в ее жизнь некоторое оживление после невероятно унылого месяца.

В то же время она знала, на какой риск идет, когда подставила – во всех смыслах этого слова – своего брата Амита, устроив ему экскурсию по космическому кораблю в обществе Грейланд, а потом протаранив грузовой отсек дистанционно управляемым челноком, мчащимся на полной скорости. Но риск выглядел вполне приемлемым. Вполне разумно было предположить, что имперо будет размазана по палубе грузового отсека, или высосана в космический вакуум, или с ней случится то и другое. Челнок был достаточно велик и летел быстро, а грузовой отсек был вполне просторен. Да, помешало лишь стечение обстоятельств – сигнал тревоги сработал буквально на несколько секунд раньше, и Грейланд успели втолкнуть под быстро закрывающуюся вакуумную переборку.

Затем ей удалось выжить в переходном туннеле, из которого медленно улетучивался воздух, пока новопостроенный корабль разваливался на части под воздействием центробежных сил. Грейланд могла погибнуть от удара челнока, потом из-за разрушения корабля и, наконец, просто из-за нехватки кислорода.

Не говоря уже о покушении во время ее коронации.

Грейланд оказалась везучей сукой. В буквальном смысле слова.

Надаше в последнее время везло меньше.

– Итак, перечислю вкратце, – сказал Кэл Дорик, личный адвокат Надаше, вскоре после ее ареста. – Убийство первой степени – Амит, убийство первой степени – пилот челнока, убийство второй степени – охранники Грейланд и Амита, покушение на убийство всей остальной охраны, покушение на убийство команды корабля из нескольких десятков человек, покушение на убийство имперо и, естественно, измена.

– Это все? – спросила Надаше.

Дорик странно посмотрел на нее, но продолжил:

– Пока что все. Как я понимаю, внутри дома Нохамапитан – вашего дома – сейчас обсуждается вопрос о том, следует ли просить государство о выдвижении против вас обвинения в уничтожении чужой собственности. Дом Лагос, чей челнок вы похитили, почти наверняка потребует этого, но пока ничего не

сделал. В процессе расследования могут добавиться и другие обвинения.

– И на что мы можем рассчитывать? – спросила Надаше. – В смысле приговора?

Дорик ошеломленно уставился на нее.

– На смерть, Надаше, – наконец ответил он. – Обычный приговор за измену. Вам угрожает смертный приговор за убийства первой степени. За убийства второй степени – пожизненное заключение. За покушение на убийство имперо, как правило, то же самое. За прочие покушения на убийство сроки будут поменьше, но мне уже сообщили, что обвинение станет настаивать на суммировании наказаний, а не поглощении.

Надаше окинула взглядом унылые серо-зеленые стены комнаты для свиданий, где сидели они оба.

– Значит, в лучшем случае меня ждет нечто подобное до конца этой жизни и еще нескольких последующих?

– Да, в лучшем случае, – ответил Дорик. – При самом оптимистичном сценарии.

– А если договориться?

– Не получится, – покачал головой Дорик. – Если государство считает, что вы покушались на жизнь имперо, оно захочет преподать урок другим.

– Что ж, – проговорила Надаше, сложив руки на столе между собой и адвокатом. – Для меня это попросту неприемлемо.

Дорик помолчал, затем собрался было что-то сказать, но тут же закрыл рот. Поправив костюм, он потянулся к ручке и блокноту:

– Хотите сказать, что вы невиновны?

– Конечно. Полностью.

– Во всем?

– Абсолютно во всем. Сама мысль о том, что я могла попытаться убить Амита, любимого брата, оскорбляет меня до глубины души. То же самое и насчет Грейланд, чей брат был в свое время моим женихом и чьим женихом надеялся стать мой брат. У меня не было причин желать им смерти. Все это просто смешно. Я ни в чем не виновна.

Дорик пристально посмотрел на нее.

– Что? – спросила Надаше.

– В измене вы все-таки признались, – заметил Дорик. – Вы подкупили целый корабль имперской морской пехоты и отправили их через отмель Потока на Край, чтобы поддержать вашу попытку переворота на этой планете. Вы сами сказали об этом имперо. И всему исполнительному комитету.

– Ну, это эмоциональное высказывание, – возразила Надаше.

– С точки зрения закона понятия «эмоциональное высказывание» не существует, но ладно.

– Не более чем бравада в пылу спора, – невозмутимо продолжала Надаше, – из-за того что меня обвинили в смерти собственного брата. Если честно, я плохо помню, что? говорила тогда.

– Есть записи.

– Не сомневаюсь. Но я путаюсь в деталях. Возможно, психологическая экспертиза подтвердит, что у меня провал в памяти.

Дорик с сомнением посмотрел на нее:

– Грейланд приказала провести всестороннее расследование с целью выяснить, кого еще вы могли подкупить.

– Я никого не подкупала. Это все Амит.

– Амит?

– Да.

– Ваш покойный брат, который пытался жениться на имперо?

– Он всегда верил, что у него есть план Б.

– Его план Б включал самоубийство?

– Порой люди совершают экстравагантные поступки, – сказала Надаше. – Думаю, вам удастся обнаружить распоряжение Амита о том, что в случае его смерти «Пророчество Рахелы» должно отправиться на Край.

– Уверены? – Дорик что-то пометил у себя в блокноте.

– Полностью.

– Ваше заявление не поддается проверке, ведь, если имперо права, течение Потока с Края сюда уже разрушилось.

– Да, если вы этому верите.

– И все же ваши познания относительно планов Амита кажутся мне чересчур обширными.

– Я вела свое расследование его действий.

Дорик удивленно поднял взгляд от блокнота:

– По поводу измены?

– В том числе.

– И вам не пришло в голову довести эту информацию до имперо, исполнительного комитета или хотя бы соответствующих органов власти?

– Амит был моим братом, Кэл, – сказала Надаше. – Мне требовалось знать точно.

– Значит, если я правильно понял, все это… – Дорик взмахнул ручкой над блокнотом, словно изображая всю чудовищность преступлений Амита.

– Да, это все вина Амита.

– Кто-нибудь может подтвердить ваши заявления?

– Мой брат Грени, – ответила Надаше. – Они с Амитом были весьма близки.

– Грени тоже на Крае, и, соответственно, его не вызвать для дачи показаний.

– Увы, да.

– Жаль, – почти искренне проговорил Дорик, и Надаше порадовалась сообразительности адвоката. – Что ж, в деле однозначно появляется альтернативный след.

– Да, – согласилась Надаше.

– На его расследование потребуется время. Это недели, а может, месяцы или даже годы.

– Торопиться не обязательно, – сказала Надаше. – Я готова ждать справедливого решения.

– Не сомневаюсь. – Дорик помедлил. – Это обойдется недешево. И если говорить прямо, дом Нохамапитан до сих пор не решил, стоит ли финансировать вашу защиту.

Надаше кивнула.

– Запиши. – Она выпалила длинный ряд цифр. – Отнеси в Имперский банк в Ядропаде. Отделение напротив Дома гильдий.

– Если это счет на ваше имя, его могли уже арестовать.

– Не на мое. На твое.

– Что ж, – заметил Дорик. – Жаль, что я не знал раньше об этих неожиданно свалившихся деньгах.

– Я бы предпочла, чтобы ты вообще о них не знал, – ответила Надаше. – И тем не менее.

Кивнув, Дорик встал:

– В следующий раз встретимся при предъявлении обвинения.

– Мне хотелось бы выйти под залог, – сказала Надаше.

– Позвольте напомнить, что вас собираются обвинить в покушении на имперо, – заметил Дорик. – Не слишком ли оптимистично?

– И все же попытайся.

Кэл Дорик попытался чего-то добиться, вполне разумно утверждая, что, поскольку Надаше обвиняется в покушении на жизнь имперо, хотя и полностью невиновна, кто-нибудь из заключенных может попробовать ее убить, желая славы или в надежде повысить свои шансы на досрочное освобождение или смягчение приговора, – ведь он прикончит женщину, покушавшуюся на имперо. Судью это, мягко говоря, не убедило, хотя он с неохотой признал необходимость повышенной безопасности для Надаше и выделил ей отдельную камеру в надежно охраняемом крыле исправительного изолятора имени имперо Ханны Второй, находившегося в тридцати километрах от Ядропада.

Исправительное заведение именовалось «изолятором», потому что пассажирское сообщение с ним отсутствовало. Единственный путь к нему и из него пролегал по поверхности. Поскольку Ядро являлось безвоздушной

планетой, всегда повернутой к солнцу одной и той же стороной, с температурой на поверхности плюс триста либо минус двести градусов по Цельсию, в зависимости от того, по какую сторону от терминатора находится, и такая поездка отнюдь не выглядела увеселительной. К изолятору могли приближаться лишь имеющие специальный допуск транспортные средства. Все остальные получали предупреждение за три километра, за два километра их брали на прицел, а на километровом расстоянии уничтожали. И естественно, никому не приходило в голову подниматься на поверхность планеты в одиночку.

В течение месяца после прибытия в изолятор Надаше избегала контактов с другими заключенными и вообще неприятностей. Этому помогало и то, что еду приносили прямо в камеру, а душ она принимала в местном лазарете, куда ее водили под охраной. Раз в неделю она встречалась с Дориком: тот сообщал о событиях во внешнем мире, о том, что дом Лагос теперь управляет делами Нохамапитанов в системе Ядра, что Грейланд Вторая спровоцировала общественно-политический кризис, предупредив о грядущем распаде течений Потока, а чуть позже – о том, что имперо начала объявлять о своих религиозных видениях, подобно Рахеле в первые дни Взаимозависимости.

Надаше, знавшая о двух последних обстоятельствах фактов больше, чем едва ли не все остальные люди во Вселенной, ничего не стала говорить адвокату о своих соображениях на этот счет и сосредоточилась на доме Лагос, взявшем на себя управление домом Нохамапитан.

– Кто у них главный? – спросила она.

– Леди Кива Лагос, – ответил Дорик.

– Ах эта…

– Вы знакомы?

– Когда мы учились в колледже, Грени был для нее сексуальной игрушкой. И как она справляется с делами дома?

– Если смотреть со стороны, то, похоже, все отлично.

– А если изнутри?

– Никто из тех, кто внутри, пока не говорил со мной на эту тему.

– Весьма невежливо с их стороны.

Дорик пожал плечами:

– Вы обвиняетесь в убийстве главы компании и уничтожении их самого нового и самого дорогого корабля. Кстати, страховой полис за него аннулирован: поскольку на момент предполагаемого несчастного случая вы являлись должностным лицом компании, страховщики заявляют о факте мошенничества.

– Смешно.

– Учитывая стоимость корабля, дом Нохамапитан вполне мог быть заинтересован в том, чтобы вас признали невиновной. Но поскольку вы пытаетесь свалить все на Амита… – Дорик снова пожал плечами, – ваш дом не склонен в этом участвовать. Особенно теперь, когда всем заправляет Кива Лагос.

– Пока что.

Дорик кивнул:

– Вполне вероятно, ваша мать пошлет кого-то из ваших родственников и отряд юристов с Тератума, чтобы вернуть бразды правления себе. Но они пока не прибыли, а учитывая предположения Грейланд, что течение Потока к Тератуму на грани коллапса, ситуация становится еще более… драматичной. В ближайшее время я начну собирать свидетелей и документы, но, как вы сами сказали, можно не торопиться.

Надаше приняла его слова к сведению.

– А как насчет отсрочки суда?

– Дело идет на удивление неплохо. Обвинение требует больше времени на подготовку – им хочется решить все одним махом. Я нисколько не возражаю.

Пусть тянут время.

– Хорошо.

– Есть еще причины для отсрочки, кроме вашего желания оставаться в живых как можно дольше?

– А что, этого недостаточно? – спросила Надаше.

– Достаточно, – ответил Дорик. – Но, как ваш адвокат, я хотел бы знать, может ли быть что-нибудь еще, имеющее отношение к делу.

– Зачем тебе это?

Открыв папку, Дорик достал лист бумаги и подвинул его Надаше:

– Недавно мне звонили. Возможно, тема разговора покажется вам интересной.

Надаше молча прочитала бумагу.

– Я не нашел здесь ничего, что, на мой взгляд, могло бы относиться к вашему делу, и не считаю себя обязанным делиться этой информацией с обвинением, как поступил бы обычно, – продолжал Дорик. – Если, конечно, вы не скажете мне, что это относится к делу, – тогда я поделюсь сведениями.

Надаше вернула бумагу Дорику:

– Вряд ли это связано с делом. Похоже, кто-то пытается тебя разыграть или заставить действовать определенным образом.

– Вполне возможно, – кивнул Дорик, забирая бумагу. – Дело весьма заметное, и мне приходит немало самых фантастических посланий.

– Если получишь еще что-нибудь в этом роде, дай знать.

– Само собой.

На обратном пути в камеру Надаше размышляла о записке, которую показал ей Дорик, – от Терана Ассана, с которым она была неофициально знакома. Ассан, цепко карабкавшийся по карьерной лестнице, был дураком с чересчур большим самомнением, но не раз приносил пользу, давая инсайдерскую информацию из его собственного дома и дома Ву. Надаше нашла весьма интересным то, что он занял место Надаше в исполнительном комитете, а теперь хотел поделиться информацией об имперо и своих контактах с членами дома Ву.

Надаше знала, что подобная щедрость не бесплатна, рано или поздно встанет вопрос о вознаграждении. Но пока об этом можно было не думать, и Надаше занялась складыванием воедино всех кусочков головоломки.

Занялась так усердно, что заметила убийцу с заточкой лишь тогда, когда та оказалась в трех шагах от нее, причем это расстояние быстро сокращалось.

– Вот ведь гадство! – сказала Надаше. В следующее мгновение убийца обхватила ее за шею, толкая на пол, и вогнала острие в сонную артерию другой женщины, подходившей к Надаше сзади с совершенно другим оружием – заостренной ложкой.

Баба-с-Ложкой, явно застигнутая врасплох внезапным появлением как женщины с зубной щеткой, так и самой этой зубной щетки в ее собственной шее, выронила оружие, пытаясь извлечь щетку из своей сонной артерии. Зубная Щетка одним ударом отбросила ее руки в сторону и открытой ладонью вогнала острие глубже – последовал сдавленный хрип, – а затем схватила Бабу-с-Ложкой за перед тюремной рубахи и швырнула через ограждение. Баба-с-Ложкой рухнула на пол тюрьмы четырьмя метрами ниже, издав глухой влажный шлепок, и сдохла.

Зубная Щетка посмотрела вниз, подобрала оружие Бабы-с-Ложкой и взмахнула им перед Надаше.

– Не стоит брать ложку, если бьешься на зубных щетках, – сказала она, швыряя ложку в ближайшую камеру.

– Что? – в замешательстве переспросила Надаше.

Зубная Щетка показала туда, где валялась Баба-с-Ложкой:

– Знаешь, кто ее подослал?

Надаше собралась с мыслями:

– Полагаю, Грейланд.

– Близко, но нет. Джейсин Ву.

– Ладно, – кивнула Надаше. – А ты от кого?

– От Дерана Ву. У него есть для тебя предложение.

К этому времени охранники и другие заключенные столпились вокруг трупа Бабы-с-Ложкой, глядя вверх на Надаше.

– Насчет них не беспокойся, – заметила Зубная Щетка. – Все можно исправить.

– Спасибо, что сказала.

– Хочешь узнать, в чем суть предложения?

Надаше снова посмотрела на Зубную Щетку. «Не думала, что этого тоже придется ждать так долго», – промелькнуло у нее в голове.

– Слушаю, – ответила она, заметив поднимающихся к ним охранников. – И желательно побыстрее.

Глава 4

Окинув взглядом пустой склад, Кива Лагос повернулась к Гей Патц:

– Зачем ты меня сюда притащила? Тут же ни хрена нет.

– Вы и в самом деле ничего не видите, – кивнула Гей Патц, главный эксперт-бухгалтер дома Лагос. – Но предполагается, что вашему взгляду должен предстать склад, заполненный готовым к отправке зерном Нохамапитанов на несколько миллионов марок и прочими товарами.

– Так их отправили или нет? – удивленно моргнула Кива.

– Возможно, – ответила Патц. – Но если даже отправили, то незаконно или покупателям, стоящим вне закона. Скорее всего, ничто из перечисленного сюда не прибыло. Товары на десять миллионов марок попросту исчезли.

– Но по документам… – сказала Кива.

– Да. По документам он весь тут. Вместе с товарами еще примерно на сорок миллионов марок, которые должны находиться на других складах Нохамапитанов по всему Ядру, но их здесь тоже нет.

– Товары, за которые мы уже получили долбаные деньги?

Патц кивнула:

– Все, что должно было находиться на этом складе, заказано и оплачено. Как и весь товар с других складов. Дом Нохамапитан – а теперь и вы, поскольку на вас возложена ответственность за управление делами Нохамапитанов, – обязан поставить товары на сорок миллионов марок. Но есть и хорошие новости.

– Гм? И какие же?

– Товар предназначался для отправки за пределы системы. Как говорит имперо, течения Потока разрушаются, и вполне возможно, что это случится до того, как от нас на законных основаниях потребуют выполнить заказ.

Фыркнув, Кива снова окинула взглядом пустой склад.

– И почему я узнаю? об этом только сейчас?

– О чем? О складе?

– Да.

Патц пожала плечами:

– Сколько бы денег ни было задействовано в этой взяточнической схеме, это меньше одного процента местных запасов дома Нохамапитан. Процент от общего объема торговли дома, естественно, еще меньше. Товар приходит и уходит, склады не остаются пустыми надолго. – Она обвела склад рукой. – Мы заметили пропажу в основном потому, что, после того как дом Лагос стал управлять делами Нохамапитанов, потребовалась ревизия. Еще несколько дней – и этот склад, как и несколько других, снова будет полон.

– Как, мать твою растак, им удавалось это скрывать?

– Волшебство в том, что клиенты находятся в неделях и месяцах пути отсюда. Когда прибывает груз и обнаруживается недостача, заказы либо корректируются с учетом отсутствующего товара, либо пополняются за счет более поздних поставок. В обоих случаях убыток списывается на деловые потери и вычитается из налогов. Желающий увидеть в этом что-то другое должен провести аудиторскую проверку всего бизнеса.

– А Нохамапитаны делать этого не собирались, поскольку сами снимали сливки, – сказала Кива.

– Ну… – осторожно заметила Патц. – У нас пока нет конкретных доказательств.

– Если не считать того, что Надаше Нохамапитан, судя по всему, финансировала попытку государственного переворота из денег на мелкие расходы.

– Есть такое, – пробормотала Патц.

– Нам удастся покрыть недостачу? – спросила Кива. – Мы ведь не долбаные Нохамапитаны и не сможем делать вид, будто товар вывалился из корабля

посреди Потока.

– Это уже не по моей части, – ответила Патц. – Может, и удастся что-то переиграть, но в любом случае вы теряете пятьдесят миллионов марок. Я поручила моим людям проверить бухгалтерию за последние десять лет, чтобы выяснить размах этого снятия сливок.

– Думаешь, удастся найти что-то еще?

Патц бесстрастно посмотрела на свою начальницу:

– Леди Кива, хищения подобного масштаба случаются не просто так. Вероятно, речь идет о сотнях миллионов марок, а может, и миллиардов.

– Перевороты обходятся недешево, – заметила Кива.

– Полагаю, да, мэм.

– Нам хотя бы известно, где эти долбаные деньги?

– Пока нет. Мы не имеем права искать их за пределами местных счетов дома Нохамапитан. Личные счета членов семьи и любые другие – вне нашей компетенции. Естественно, я делюсь информацией с имперским Министерством доходов. У них есть возможность провести более обширное расследование.

– Я хочу получить назад любые деньги, которые они найдут.

– Вынуждена вас предупредить, что Министерство доходов вряд ли удовлетворит ваше желание.

– Пусть идут на хрен.

– Да, – согласилась Патц. – Но есть еще проблема: дом Нохамапитан, вероятно, задолжал по налогам и штрафам. И почти наверняка этот долг больше недостающей суммы.

Кива что-то неразборчиво проворчала, затем спросила:

– И какую сумму на меня в итоге повесят?

– Думаю, зависит от того, кто этим займется, – ответила Патц. – Вряд ли у Грейланд или Министерства налогов возникнут претензии к вам, хотя бы потому, что почти все это, – Патц снова обвела рукой склад, – случилось до вашего прихода. Однако сам дом Нохамапитан может попытаться свалить все на вас, особенно в свете некоторых недавних событий.

– Каких еще недавних событий?

– В общем… во время проверки мы обнаружили кое-что еще. Саботаж. Товара, машин, кораблей. И все это за последний месяц, с тех пор как ответственным стал дом Лагос.

– И сколько мы потеряли?

Патц промолчала, но по ее взгляду Кива поняла: «До хрена».

– Повторю свой вопрос: почему я узнаю об этом только сейчас?

– Вы – новая начальница. Некоторые просто не хотят ничего сообщать вам.

– А другие?

– Ну… они попросту хотят разорить вас, мэм.

Три часа спустя Кива снова сидела в своем кабинете в Доме гильдий – бывшем кабинете такого же бывшего Амита Нохамапитана. По прихоти собственной сестры он недавно оказался на пути челнока, который размазал его по палубе грузового отсека на поверхности примерно в акр, покатавшись по нему, словно пес по куче навоза.

Такой способ покинуть этот мир казался Киве не слишком приятным, но чем больше она об этом размышляла, тем больше приходила к выводу, что бывает и хуже. Амит умер, не успев ничего понять, и, по крайней мере, разговоры о его смерти будут идти еще много лет – все-таки это куда интереснее, чем обычный инсульт или сердечный приступ. Больше ничего интересного об Амите сказать было нельзя: далеко не самая выдающаяся жизнь, по мнению Кивы.

Кабинет Амита Нохамапитана, теперь мертвого и размазанного, был просторным, как и подобало офису главы семейного бизнеса в системе Ядра. Со вкусом подобранная обстановка намекала на то, что решение принимал нанятый дизайнер, а вовсе не сам Амит, у которого, вероятно, не было художественных наклонностей. И естественно, кабинет был напичкан всеми технологическими новшествами, в каких мог нуждаться современный руководитель.

«Не хватает только устройства, которое предупредило бы его: „Эй, твоя долбаная сестрица собирается загнать тебе в задницу аж целый челнок“», – подумала Кива. Хотя, если честно, для этого потребовалось бы довольно специализированное устройство.

Размышляя, Кива смотрела через прозрачную стену кабинета на улицу внизу. Кроме обычного уличного шума Ядра – самого большого города Взаимозависимости, как это обычно бывает с имперскими столицами, – снизу доносились и другие звуки, похожие на шум от акции протеста. С такой высоты Кива не могла разглядеть транспаранты или расслышать скандирование, но люди, видимо, были сильно возбуждены.

– Леди Кива?

Повернувшись, Кива увидела Бантона Салаанадона, ее помощника, занимавшего эту должность еще при Амите. Кива оставила Бантона при себе: он не был виноват в том, что его принял на работу предатель интересов Взаимозависимости, и к тому же знал многое из того, чего не знала Кива, – а ей не хотелось терять недели или даже месяцы на то, чтобы узнать все самой. Пока Бантон, благодарный за то, что его не уволили, оказывал неоценимую помощь в управлении делами дома Нохамапитан: разгребать приходилось немало.

Кива кивнула в сторону стеклянной стены:

– Против чего они протестуют?

Подойдя к начальнице, Салаанадон выглянул на улицу:

– Думаю, это не совсем протест. Имперо сказала, что у нее есть видения насчет будущего Взаимозависимости, и, мне кажется, люди внизу ее поддерживают.

– Гм…

Салаанадон бросил взгляд на Киву:

– Ее величество упоминала об этих видениях, когда вы встречались с ней, леди Кива?

– Нет, – ответила Кива. – Когда я с ней встречалась, она выздоравливала после того, как сестра твоего бывшего босса взорвала вокруг нее космический корабль. И вообще мало что говорила: поблагодарила меня за помощь в раскрытии заговора Надаше и сказала, что теперь я здесь главная. А потом меня выставили за дверь.

– И все равно это большая честь – встретиться с имперо.

– Да ничего особенного. Возможно, теперь она трахается с моим бывшим парнем.

– Мэм? – переспросил Салаанадон.

– Не важно, – махнула рукой Кива. – Ты ведь пришел ко мне не просто так?

– Да, мэм. К вам адвокат.

– Вышвырни его в окно.

– Думаю, не его, а ее.

– Ну так вышвырни ее. Какая, на хрен, разница?

– Я бы так и сделал, но она от дома Нохамапитан.

– То есть она из тех, кто теперь работает на меня?

– Боюсь, что нет, – ответил Салаанадон. – Она с Тератума. Это…

– Я знаю, что такое Тератум и где он находится, – прервала его Кива. – Она из долбаной главной конторы.

– Да, мэм.

– По расчетам сходится?

– До Тератума пятнадцать дней пути по Потоку. В общем, да.

– Чего она хочет?

– Полагаю, обсудить ваше управление местной собственностью Нохамапитанов.

– Пусть лучше обращается к импero, которая меня назначила.

– Она намекнула, что есть и другие вопросы.

– Тем более все это к импero.

– Боюсь, от нее не отделаться. При ней документ с печаткой.

– Вот ведь хрень! – нахмурилась Кива. Документ с печаткой давал его обладателю те же права, что и высокопоставленному члену дома. С юридической точки зрения Кива не могла избежать встречи с этой долбаной адвокатшей: с тем же успехом она могла избегать встречи с графиней Нохамапитан, что было просто невозможно. Формально говоря, несмотря на особое разрешение импero, Кива как управляющая являлась теперь наемной служащей графини.

– Она в приемной, – сказал Салаанадон.

– Прекрасно, – ответила Кива. – Пусть войдет. Лучше быстрее с этим покончить.

– Да, мэм. – Салаанадон слегка поклонился и вышел. Еще раз бросив взгляд на толпу с плакатами на улице, Кива на мгновение подумала, сколько из них истинно верующих, а скольким заплатила Грейланд. В конце концов, имперо нанимали толпы и по менее существенным поводам, чем мистические видения. И если Взаимозависимости в самом деле грозила катастрофа, имперо, возможно, решила потратить свои марки, прежде чем они утратят какую-либо ценность.

«Не такой уж плохой совет и для тебя самой», – подумала Кива.

Вот только проблема заключалась в том, что Кива, при всем своем богатстве, не испытывала к деньгам ни малейшего интереса. Да, ей нравились деньги, ей нравилось обладать ими, и она прекрасно сознавала, что жизнь без денег – полный отстой. Но, имея всю жизнь достаточно денег для исполнения буквально любого желания – у дочери главы аристократического торгового семейства имелись свои привилегии, – она никогда не задумывалась о деньгах, и для удовлетворения материальных потребностей ей хватало небольшой доли доступных средств.

Поэтому Кива в основном предавалась двум занятиям: трахалась с таким энтузиазмом, что ей было почти (но все же не совсем) все равно – где, когда и с кем, и управляла делами, что нравилось ей и, как выяснилось, получалось у нее не так уж плохо. Кива не рассчитывала, что ей когда-либо придется заведовать делами дома Лагос, – как последний отпрыск многодетной графини Хьюмы Лагос, она не могла даже надеяться получить по наследству должность главного управляющего дома Лагос, но отнюдь не собиралась, как ее бывшая подруга по колледжу Надаше Нохамапитан, убивать братьев и сестер, чтобы повысить собственные шансы. Однако во вселенной хватало возможностей для Кивы – и бизнес дома Нохамапитан оказался одной из них.

По крайней мере, на время – а потом Нохамапитаны отберут у нее бразды правления либо разрушатся все течения Потока – и всем настанет полный кобздец.

«Веселенькие времена, мать твою!» – подумала Кива.

Открылась дверь, и вошел Салаанадон с женщиной примерно того же возраста, что и Кива.

– Леди Кива Лагос, мадам Сения Фундапеллонан, – сказал Салаанадон, кивнув в сторону спутницы.

– Здравствуйте, леди Кива, – поклонилась Фундапеллонан.

– Угу, угу. – Кива махнула рукой, приглашая ее сесть в кресло перед своим обширным столом. Салаанадон нахмурился, но молча вышел. Кива опустилась в свое кресло.

– Хотела бы для начала передать слова любезности от графини Нохамапитан, которая благодарит вас за то, что вы взяли на себя управление ее местными делами в столь беспокойные времена…

Кива закатила глаза:

– Эй, ты… как там тебя?

– Сения Фундапеллонан.

– Не длинновато ли?

– Возможно, леди Кива.

– Слушай, Фундапеллонан, нельзя ли… обойтись без всей этой чуши? Ты же вроде умная девочка.

– Спасибо, леди Кива.

– А если умная, то знаешь не хуже меня, что из всех чувств, которые может испытывать ко мне графиня Нохамапитан, благодарность стоит на долбаном распоследнем месте. Имперо заверила меня, что дети графини – изменники, дочь убила сына. Теперь я руковожу ее долбаной компанией. Думаю, больше всего ей хочется вышвырнуть меня из этого долбаного окна. – (Фундапеллонан слегка улыбнулась.) – И если ты в самом деле прилетела с Тератума…

– Да.

– …То, учитывая время на дорогу, тебя послали почти сразу же после того, как графиня получила новости о своих проблемных отпрысках. А значит, смешно говорить, что она вообще думает обо мне. Мне кажется, мысли графини Нохамапитан сейчас, помимо ругани на чем свет стоит, заняты, во-первых, тем, как спасти дочку от почти гарантированного смертного приговора, а во-вторых, как избавиться от присутствия посторонних в ее драгоценной долбаной компании, включая меня. Разумное предположение?

– Вы правы, – помедлив, ответила Фундапеллонан.

– И чтобы не тратить время впустую, попрошу тебя сразу перейти к долбаному делу.

– Что ж, вполне честно, – ответила Фундапеллонан. – Итак, леди Кива: дом Нохамапитан, который я представляю, просит вас устраниться от наших местных дел и позволить вести их управляющему, которого мы выберем сами. – Она положила на стол Кивы документ с печаткой. – Таково официальное требование. Неофициально скажу, что вы получите неплохую премию.

– Это взятка?

– Премия от графини. В знак признательности за вашу готовность помочь в критический момент.

– Кажется, я просила не нести чуши.

– Чушь бывает разной, леди Кива.

– Что ж, по крайней мере, здесь ты права. – Кива показала на документ. – Полагаю, вы обе, и ты, и графиня, понимаете, что меня назначила имперо? Я не могу просто так взять и уйти.

– Мы прекрасно это понимаем. И знаем, что имперо охотнее согласится на ваш уход, если вы подадите в отставку добровольно.

– Ты так уверена?

– Почему бы и нет?

– Ну… Надаше Нохамапитан пыталась убить имперо с помощью челнока, что вряд ли укрепит репутацию этой долбаной семейки. Но, кроме того, есть еще проблема с хищениями, которые мои аудиторы обнаружили при изучении ваших книг за последние несколько лет.

Фундапеллонан наклонила голову:

– А что, книги дома Лагос безупречны? Никаких хищений и коррупции, леди Кива? Вы не хуже меня знаете: нет ничего необычного в том, что исполнители на местах, а порой, увы, и члены семьи, время от времени снимают сливки. Да, это достойно сожаления. Но ничего необычного.

– Это твой довод в пользу того, чтобы вернуть Нохамапитанам контроль над делами? Мол, каждый этим занимается?

– Если честно – да, каждый.

– Если честно, не каждый пытается убить импero, мать твою растак.

– Значит, ваш ответ – «нет»?

– Мой ответ: «Да ты что, издеваешься, твою мать?»

Фундапеллонан пожала плечами:

– Как пожелаете. Но учтите, что мы в любом случае намерены требовать вашей отставки.

– Удачи.

– Удача нам ни к чему, леди Кива. Хватит вашей некомпетентности.

– Пошла на хрен!

– Вам наверняка известно, что за последнее время вредительство в отношении имущества и товара Нохамапитанов приняло крупные размеры.

– Я слышала.

– И вам известно также, что это ставит под сомнение способности дома исполнять свои деловые обязательства. Это подрывает его репутацию.

– Не знаю, – возразила Кива. – Не стану спорить, что вредительства стало больше, но, как мне кажется, самый крупный акт вредительства имел место, когда Надаше превратила новенький корабль Нохамапитанов в долбаную груду металлолома. Если уж говорить о подрыве репутации дома, не стоит ли вспомнить и об этом?

Фундапеллонан нахмурилась:

– Возможно, у имперо на этот счет иное мнение.

– Сомневаюсь. – Кива показала на документ. – С этой бумагой тебя наверняка пустят к имперо, но вряд ли она забудет, что твой дом восстал против нее.

– Не дом. Один из его членов.

– Что ж, если считаешь это аргументом, удачи тебе.

– С этим аргументом буду выступать не я, а графиня Нохамапитан.

– Она летит сюда? – удивленно моргнула Кива.

– Конечно, – улыбнулась Фундапеллонан. – Как вы проницательно заметили, Леди Кива, по репутации дома Нохамапитан в последнее время нанесли несколько ударов, и вряд ли скромный адвокат сумеет тут чем-нибудь помочь. Даже тысяча адвокатов ничем не поможет. Единственный вариант – доставить с Тератума графиню, чтобы она поговорила с имперо. Я здесь для того, чтобы провести ряд подготовительных мероприятий вроде беседы с вами. Роль

тяжеловеса отводится графине.

– И когда она прибывает?

Фундапеллонан взглянула на часы на запястье, что показалось Киве чересчур театральным жестом.

– Если корабль, на котором она планировала быть, не задержится – примерно через три дня. – Она подняла взгляд. – У вас еще есть время передумать. Но его не так уж много, леди Кива. Совсем немного.

Глава 5

– И все-таки сколько у нас времени?

Марс Клермонт сохранил бесстрастное выражение лица – по крайней мере, этому он успел научиться, – но мысленно обхватил голову руками в знак бессилия. Жизнь его в последний месяц сводилась к тому, чтобы раз за разом давать один и тот же ответ в бесчисленных, но всегда рассчитанных на профанов вариантах людям, которых он не убеждал и которым не хватало математических познаний, чтобы понять, почему ответ правдив независимо от того, насколько им хочется, чтобы он был иным.

Но именно в этом теперь заключалась работа Марса: специальный помощник имперо Грейланд Второй по науке был обязан докладывать обо всем, связанном с неминуемым коллапсом Потока, Очень Важным Персонам. В число их входили имперские министры, члены парламента, главы аристократических домов и члены их свиты, епископы и архиепископы Взаимозависимой церкви и любых других церквей, ученые, журналисты, высокопоставленные знаменитости, «властители дум», знаменитые интеллектуалы, а иногда и ведущие ток-шоу.

День за днем – весь последний месяц.

День за днем – в течение обозримого будущего.

Сейчас Марс выступал со своей многократно обкатанной презентацией на съезде Имперского экзогеологического общества, проводившемся раз в два года на Ядре. Раз в два года – поскольку его членам было нелегко отрывать свои задницы и тащить их по течениям Потока: это могло занять недели, а иногда и месяцы. Ядро же было выбрано просто потому, что туда вели все течения Потока.

(«Пока что», – подсказал Марсу внутренний голос, которому он тут же велел заткнуться.)

Из всех, кому Марс рассказывал о коллапсе течений Потока, убедить, казалось, было легче всего ученых. В конце концов, у Марса имелись данные за три десятилетия, обработанные, упорядоченные и представленные в формате, понятном почти каждому ученому: графики, диаграммы, таблицы с примечаниями и, естественно, цифровые файлы со всей информацией, которые его отец, граф Клермонт, собирал тридцать с лишним лет.

Но, как выяснилось, ученые оказались худшими из слушателей. Марс мог понять упрямство или пренебрежительное отношение со стороны физиков Потока: все-таки это была их область знаний, а теперь никому не известный лорд и совсем уже никому не известный преподаватель из заштатного университета в заднице космоса представлял им полученные от собственного папаши сведения, из которых следовало, что все прежние представления о Потоке полностью ошибочны. Это был, так сказать, настоящий удар в промежность. Если честно, Марса даже удивило бы, если бы специалисты по Потоку не стали его атаковать, – по крайней мере, пока они не посидели над данными и не осознали содержащуюся в них ужасающую истину.

Но так вели себя не только физики Потока. Все ученые во всех областях науки критиковали его за данные, собранные и интерпретированные им и его отцом. Марса это приводило в неподдельное замешательство, пока он не вспомнил свою учебу в академии и слова декана факультета насчет коллег, полных решимости отнести любое новое открытие исключительно к своей области знаний. «Когда у тебя в руках молоток, все остальное выглядит как гвозди», – сказал тогда декан.

Сама фраза была не новой, но смысл ее оказался новым для Марса: немало ученых знали что-то одно, полагая, что их познания применимы к любой другой проблеме – до такой степени, что встречали в штыки информацию от тех, кто специализировался по этой проблеме.

К Марсу это относилось лишь косвенно – он прекрасно осознавал, чего он не знает: в тот момент, по сути, он знал только то, что относилось к коллапсу Потока. Но ему все больше казалось, будто каждый ученый держит в руках молоток, пытаясь отыскать гвоздь в его данных и его презентации.

И это основательно его выматывало. Марсу не раз хотелось поднять руки и сказать: «Ладно, можете не верить мне и моим данным; радуйтесь, что первыми пойдете на мясо, когда случится коллапс». Но потом он вспоминал обещание, данное Грейланд – имперо Взаимозависимости, с которой, сколь бы невероятным и даже смехотворным это ни казалось, у него установились вполне дружеские отношения, – помочь ей найти способ предотвратить гибель всей цивилизации.

А значит, он не мог рявкнуть перед сборищем упрямых экзогеологов, что Потоку все равно, верят они в коллапс или нет, и ему приходилось в тысячный раз отвечать на тот же самый проклятый вопрос, который ему задавали каждый раз во время презентации.

– Нисколько, – ответил Марс задавшему вопрос напыщенному лысому типу, – кажется, тот был известным во всей Взаимозависимости специалистом по весьма специфической разновидности вулканических пород. Затем он показал на парившую над ним схему систем Взаимозависимости и течений Потока между ними, отметив течение, соединявшее Ядро, столицу Взаимозависимости, с Краем, родиной Марса: увидит ли он ее снова? – Как я уже говорил, течение от Края до Ядра уже начало распадаться. Оно разрушается начиная с Края, в направлении Ядра. Одним из последних кораблей, прибывших с Края, был тот, на котором летел я. Уже несколько недель с Края не приходят корабли. И не придут, судя по тому, что предсказывают данные.

– Значит, Край отрезан? – спросил еще один ученый.

– Наполовину. – Марс показал на другое течение, изгибавшееся между Ядром и Краем. – Течение в его сторону пока остается открытым. Мы можем посылать корабли на Край. Просто они не смогут вернуться назад. – Затем Марс показал

на еще одно течение, соединявшее Ядро с Тератумом. – Мы почти не сомневаемся, что следующим распадется течение Потока между Ядром и Тератумом – видимо, в ближайшие несколько недель. Империо выделила исследовательский корабль для наблюдения за здешней отмелью Потока, и мы посылаем через отмель специализированные дроны, чтобы оценить состояние течения.

– Каким образом? – поинтересовался еще кто-то из экзогеологов.

– Ну… это достаточно сложно, – ответил Марс. – Внутренняя топография Потока не вполне соответствует привычному нам пространству-времени. Более того, если не окружать наши корабли небольшим пространственно-временным пузырем перед входом в Поток, они попросту перестанут существовать, по крайней мере в нашем понимании. Я мог бы объяснить лучше, но для этого потребуется больше времени, а у меня через два с половиной часа очередная презентация на другом конце Ядропада.

Послышался негромкий смех.

– Значит, когда разрушится течение от Ядра до Тератума, Тератум окажется отрезан, как сейчас Край? – спросил лысый специалист по вулканическим породам.

– Нет, – сказал Марс, услышав в ответ недовольный ропот. – Край называется Краем в том числе и потому, что к нему и от него ведет по одному течению, причем оба связывают его с Ядром. – Марс показал на своей парящей в воздухе картине систему Тератума. – Тератум тоже связан с Ядром, но, кроме него, еще с тремя системами: Шираком, Мелакой и Парамарибо. Теперь, чтобы быстрее всего добраться с Ядра до Тератума, придется лететь сперва до Мелаки, а потом до Тератума. Лишние девять дней пути.

– То есть Тератум не окажется в изоляции?

– Пока нет. – Марс подошел к пульту и нажал кнопку, запуская анимацию. – Но коллапс течения с Ядра до Тератума – лишь первая ласточка. Вскоре начнут разрушаться и другие течения. – Одно за другим течения начали исчезать с картинки, связей между планетами становилось все меньше. – Некоторые системы окажутся в изоляции уже в ближайшие три года. – Исчезли еще

несколько течений. – За десять лет течений Потока не станет вообще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/skal-ci_dzhon/vsepogloschayuschiy-ogon

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити